

СМЕРТЬ СИПЯГИНА И НАШИ АГИТАЦИОННЫЕ
ЗАДАЧИ.

Блестящая служебная карьера Сипягина неожиданно прервана. Человек, в продолжение тридцати месяцев державший в своих руках почти всю исполнительную власть русского государства и жестоко злоупотреблявший ею, пал жертвою своего реакционного усердия. Наши «охранители» горько оплакивают его гибель и мечут громы негодования на бедную голову его молодого «убийцы». Им вторит значительная часть и буржуазной прессы Запада. Нас не удивляют ни западные буржуа ни русские «охранители». Наша реакционная партия твердо убеждена, как известно, в том, что она имеет право и даже обязана истреблять все живое, а всякий ответ насилем на ее насилия составляет в ее глазах великое преступление. Что же касается западной буржуазии, то она давно пережила свой период бурных стремлений и сделалась защитницей «порядка». Русские студенты, поднимающие вооруженную руку на звероподобных опричников всероссийского самодержца, вызывают в ней не сочувствие, а страх, напоминают ей не Брутов, а Тропманов. Их смелые, самоотверженные поступки представляются ей вопиющим нарушением прав человека. Гуманная защитница этих прав, она считает употребление оружия позволительным только в тех случаях, когда дело идет о завоевании новых рынков или об усмирении рабочих, пытающихся сбросить с себя иго капитала. Невыносимое положение русской учащейся молодежи интересует ее гораздо меньше, чем печальная судьба французских и бельгийских капиталов, затраченных в южно-русских металлургических предприятиях. Ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше...

В смерти Сипягина виновато прежде всего упорство той реакционной клики, к которой он принадлежал до конца своих дней и которая отвечала полицейскими разбоями на самые естественные и самые неизбежные требования студенчества. Нравственная ответственность за эти дневные и ночные разбои падает главным образом на самого Сипягина. Он как будто задался целью показать всем, имеющим очи, что «сердечное попечение» царского правительства об учащейся молодежи есть одно из самых «бессмысленных мечтаний» нашего коронованного недоросля. Он сделался ответственным издателем почти всех репрессивных мероприятий, направленных против этой молодежи. Мудрено ли, что ему и пришлось за них ответить?

Пусть же реакционные цицероны гремят против его «убийцы», их негодующие вопли никого не введут у нас в заблуждение. Русское «общество» опять переживает

теперь то оппозиционное настроение, в котором оно находилось лет двадцать тому назад и благодаря которому оно сочувствовало «террористической» борьбе партии «Народной Воли».

Свирепый полицейский «порядок» до смерти надоел всем честным людям, и ни один честный и мыслящий человек не станет оплакивать гибель столпов и защитников этого порядка.

Killing is no murder! (умерщвление не убийство) писал один английский публицист семнадцатого века, когда Кромвель захватил политическую власть, только что завоеванную революционной партией. Умерщвление не убийство — с полным убеждением скажут теперь многие и многие русские люди. Не нужно быть неукротимым «потрясателем основ» для того, чтобы понять, какая глубокая и широкая пропасть отделяет Карповичей и Балмашевых от вульгарных убийц.

Умерщвление не убийство! Сознание этой истины до такой степени распространилось теперь в России, что оно начинает грозить серьезной опасностью нашему освободительному движению. Это звучит парадоксом, но с этим должен будет согласиться всякий тот, кто даст себе труд вдуматься в наше современное положение.

Жрецы полицейского Молоха делают все возможное для того, чтобы довести до самой крайней степени раздражение нашей свободомыслящей интеллигенции. Когда раздражение достигает этой крайней степени, мысль о «террористической» борьбе возникает, можно сказать, сама собою всюду, где соотношение общественных сил еще не позволяет думать об открытом массовом восстании с оружием в руках. А где — как у нас в настоящее время — эта мысль уже выразилась в нескольких практических действиях, и где — опять как в современной России — такие действия встречают горячее сочувствие в широких слоях населения, там «терроризм» стремится сделаться господствующим приемом революционной борьбы, отодвинув на задний план все другие.

Признаки такого стремления замечаются теперь даже в нашей социал-демократической среде. Некоторые социал-демократы начинают поговаривать о том, что демонстрации обходятся слишком дорого и что террористические действия скорее поведут к цели. Опыт семидесятих годов показал, что от таких разговоров не далеко и до мысли о «систематическом терроре». Но тут-то и заключается серьезная опасность для нашего освободительного движения. Если бы это движение стало террористическим, то оно тем самым подорвало бы свою собственную силу.

Его сила состоит в том, что идея политической свободы, увлекшая некогда одну интеллигенцию, проникла

в некоторые слои рабочего класса. Сознательная часть пролетариата является теперь самым надежным борцом за политическую свободу. Если волнения учащейся молодежи получили теперь у нас такое большое значение, то это произошло именно потому, что студента стал поддерживать рабочий. И это очень хорошо понимает сама учащаяся молодежь, которая вполне сознательно сближается с пролетариатом. Ей хорошо выяснилось решающее политическое значение рабочей армии. Но всем известно, что приемы борьбы, употребляемые всякой данной армией, определяются ее составом. Состав рабочей армии таков, что для нее самым удобным и самым действительным приемом борьбы являются демонстрации и вообще всякого рода массовые уличные движения. Терроризм же доступен для нее лишь при самых редких и исключительных обстоятельствах. При наших нынешних условиях он привел бы к тому, что из нее выделились бы и слились бы с террористами-интеллигентами отдельные личности и группы личностей, вся же остальная ее масса стала бы гораздо менее активной, вследствие чего только замедлилось бы,—если бы не прекратилось совершенно,—дело политического воспитания нашего пролетариата и надолго отсрочилось бы падение абсолютизма.

Один из наиболее энергичных, опытных и сознательных представителей русского рабочего класса, Степан Халтурин, был решительным противником террора именно на том основании, что террор мешает организации, а следовательно и вообще политическому воспитанию рабочих. Правда, впоследствии он сам стал террористом, но он стал им не потому, что признал ошибочным свое прежнее мнение, а потому, что организация рабочих перестала казаться ему неотложным делом: он проникся тем убеждением, что смерть Александра II принесет с собою конституцию и политическую свободу, при которой дело политического воспитания рабочих двинется с небывалой у нас быстротой. Имея такое убеждение, он мог, не изменяя себе, предпочесть террористическую деятельность агитационной. Но теперь уже невозможно разделять такое убеждение. Опыт показал, что оно было ошибочно. Царь Александр II погиб; царизм продолжает существовать. Чтобы покончить с ним, необходимо разрушить его основу. А к этой цели нет другого пути, кроме политического воспитания народа и, прежде всего, рабочего класса.

Говорят, что террор тоже воспитывает рабочую массу, возбуждая ее. Тут есть капля истины. Рабочие, недовольные существующим порядком вещей, радуются удачным покушениям и огорчаются неудачными. Их, конечно, возбуждают доходящие до них известия о действиях террористов. Но такое возбуждение не выдерживает и отдаленного сравнения с возбуждением, вызываемым в рабочих личным непосредственным участием их в массовых уличных движениях. В этом последнем случае возбуждение располагает к самодеятельности, между тем как сочувствие к террористам не только не исключает пассивного отношения к общественной жизни, но даже поддерживает и укрепляет его, приучая население смотреть на революционную партию, как на благотворительную, но постороннюю ему

силу, которая сама все делает, сама поразит всех врагов свободы и сама обеспечит торжество революции. Терроризм изолирует революционную партию и тем осуждает ее на поражение.

Что демонстрации стоят у нас многих жертв, это, к сожалению, неоспоримо. Но, во-первых, ошибочно думать, что террористические действия обходятся в этом смысле дешевле. Наоборот. Наибольшие потери причиняются революционерам именно ими. А, во-вторых, без жертв невозможна никакая борьба. Жертвы были и будут. Все дело в том, чтобы они не приносились напрасно и чтобы каждая демонстрация приносила нашему делу всю ту пользу, которую она может принести.

В № 14 «Искры» мы уже указывали на то, чего недостает теперь нашим демонстрациям: 1) в них участвует сравнительно мало народу; 2) их участники не оказывают организованного сопротивления властям. Опыт показал, что мы не ошибались. Возьмите хоть Киевскую демонстрацию 2 февраля. Ее участники проявили поистине геройское мужество и самоотвержение. Но их было сравнительно немного, и полиция легко справилась с ними. Но это не все. Даже и те, сравнительно небольшие силы, которые участвовали в демонстрации, не были организованы, что еще более ослабило их сопротивление. А, с другой стороны, посмотрите на то, что произошло в Гельсингфорсе 5 апреля. Здесь, как сообщают иностранные газеты, полиция встретила дружный отпор со стороны «толпы» и отступила, унося с собою много раненых. И это было достигнуто без употребления участниками демонстрации огнестрельного оружия, которое было бы вредно, так как дало бы правительству желанный повод для «усмирения бунтовщиков» солдатскими пулями. Мы не знаем, была ли организована Гельсингфорсская демонстрация 5 апреля. Повидимому,—да. Но как бы там ни было, несомненно то, что ее успех был обусловлен дружным действием большой массы народа. Полиция и казаки были атакованы со всех сторон. Даже из окон домов в них кидали камнями, дровами и бутылками, наполненными едкими кислотами. Правительство поняло, что против него все население, и уступило, отсрочив призыв новобранцев. В наше время тайна политического успеха заключается в искусстве вызывать движение массы. Когда идея политической свободы овладевает у нас всей рабочей массой,—как овладела она уже некоторыми ее слоями,—тогда и у нас будут происходить демонстрации, подобные Гельсингфорской. А чтобы эта идея овладела всей рабочей массой, надо распространять ее с удесятенной энергией. Надо наводнить Россию листками и воззваниями, обнаруживающими гнусность нашего политического устройства. Надо разбрасывать такие листки и воззвания в мастерских, в трактирах, в банях, в конках, в церквях, на постоянных дворах, на железных дорогах, на пароходах, словом—езде и всюду. Всякому уличному движению должна предшествовать работа подготовительной агитации и организации. Там, где не соблюдено это условие, лучше воздерживаться от демонстраций. Но зато тем решительнее надо выступать там, где почва для демонстрации уже подготовлена.

Кто считал прошлогодние события «началом конца», в том разочарование понятно: конец пока все еще не «кончен». Но в нашем деле иллюзии не менее вредны, чем малодушие, с которыми они, кстати сказать, состоят в тесном родстве. Мы переживаем теперь «не начало конца, а просто начало». Неудивительно поэтому, что конец заставляет себя ждать: но мы никогда не дождемся его, если оставим путь политической агитации в массе и ударимся в террор.

Умерщвление не убийство! Но оно не есть также и путь к победе. Карая отдельных слуг царя, оно не разрушает царизма. Мы очень ценим самоотвержение лиц, подобных Балмашеву¹ и Карповичу², но мы стремимся к низвержению целой системы. Мы стоим на классовой точке зрения. А с этой точки зрения самым верным и совершенно незаменимым средством борьбы с царизмом была и остается агитация в рабочем классе для развития его политического самосознания и организация его сил для дальнейшей, все более и более упорной, все глубже и глубже проникающей, все более и более плодотворной и победоносной агитации.

Только на фундаменте политического самосознания русского пролетариата может быть воздвигнуто здание русской политической свободы! Русское революционное движение восторжествует как движение рабочей массы, или совсем не восторжествует!

[Г. Плеханов]

ИЗ

НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

По поводу смерти Г. И. Успенского.

24 марта умер Глеб Иванович Успенский. Давно уже перестал он писать, давно замерли всякие надежды на его выздоровление, и тем не менее у него найдутся, никогда лично не встречавшиеся с ним, читатели, на которых весть о его смерти произведет впечатление утраты близкого человека, игравшего когда-то значительную роль в его собственной судьбе. Г. И. Успенский неизмеримо больше всех легальных писателей 70-х и 80-х годов оказал влияние на ход нашего революционного движения. Его деревенские очерки конца 70-х годов, совпадая с личными впечатлениями ходивших в народ революционеров, содействовали крушению первоначального анархически-бунтарского народничества. Еще большее значение имели некоторые из его произведений 80-х годов, в которых мыслитель, сливаясь с художником, на нескольких страницах, иногда в нескольких строках, намечал самые глубокие выводы, сообщая им непосредственную убедительность художественного наблюдения действительности. Первым русским марксистам-революционерам, т. е. тем марксистам, для которых марксизм был не только научной теорией, а теоретической основой практической программы, эти очерки Г. Успенского помогали конкретно выяснять и себе и другим свою практическую теорию.

Сам Г. Успенский был и остался народником в том смысле, что для него не было типа человека лучше, желаннее крестьянина, живущего при натуральном хозяйстве, но, глубоко правдивый художник и мыслитель, он вечно показывал нам всю невозможность революционной программы, приуроченной к этому типу, и в то же время как

нельзя яснее показывал также и безнадежность мечтаний о сохранении как любимого типа, так и всего старого быта и старых крестьянских учреждений при новых экономических условиях.

Для самого Г. Успенского эти противоречия были безвыходно трагическими. Но для многих из его читателей они расчищали путь к принятию нового революционного мировоззрения, указавшего выход.

Если бы Г. Успенский присутствовал при возрождении революционного движения под знаменем социал-демократии, он не смог бы, вероятно, стать на нашу сторону. Ему помешала бы безнадежная любовь к исчезающему типу старого крестьянина; но не смог бы он стать и тем нежелающим понимать, безусловно враждебным противником, какими оказались, в большинстве случаев, его бывшие сотрудники по журнальной деятельности.

Во всяком случае, социал-демократы всегда будут любить и читать Г. И. Успенского, как одного из тех глубоко искренних наблюдателей и мыслителей, которые — где бы ни была их любовь в прошедшем или в будущем — в силу своей великой правдивости помогают все большему и большему выяснению того единственного пути, который идет через социальную революцию пролетариата.

О тульской полиции. (Неприятная ошибка г-на Гартье. Удивительное самоубийство двух воров. Как городской Баутин заплатил долг. Тульская достопримечательность. Застенок на улице. Как пристав Лавров бога обокрал. Кто выше — бог или Лавров? Родственные чувства г-на Шлиппе. Перемена во взглядах обывателей.)

Что такое русский полицейский участок — это знает всякий. В нем, как грязная туча в болотной луже, отражается весь строй нашей жизни — беспорядочной и беззаконной, где «особа» может делать что хочет, а простой человек должен почтительно трепетать, как бы с ним начальство ни поступило. Наша тульская полиция служит прекрасным образчиком этого. Обыватель отдан в ее полное распоряжение, полиция смотрит на него, как на побежденного врага, с которым можно делать что угодно; она обирает его, оскорбляет, истязует, и все это совершенно безнаказанно сходит ей с рук, пока... пока, зарвавшись, она по «недоразумению» не наскочит на «белую кость». Тогда картина меняется...

Года два назад в легальной печати был опубликован случай с нашим приставом Мазараки. Во время крестного хода одна девушка «дерзко взглянула» на него, он отправил ее в участок, а в участке оказалось, что девушка — местная аристократка, княжна Оболенская. Пристав заплатил арестом, но не за то, конечно, что потащил в участок невинного человека, а за то, что не сумел отличить белой кости от черной. Недавно подобное же недоразумение произошло с тульским полицеймейстером Гартье, прославившимся у нас своим безудержным мордобойством и тем, что, в бытность крапивенским исправником, он был на пожаре жестоко избит мужиком, получившим от него затрещину. В декабре прошлого года шли по Киевской улице три скромно одетые господина и видят, что на улице, посреди снующих экипажей, лежит мертвецки пьяный человек. Они обратились к проходившему мимо полицеймейстеру с просьбой распорядиться убрать лежачего. — «Это не ваше дело! — гаркнул на них Гартье. — Ступайте прочь!» — «Мы вас покорнейше просим распорядиться убрать этого человека». — «А вот я сейчас распоряжусь... Городовой! В участок их!» — «Ах, так! Ну нет, погодите! Извозчик, к губернатору!»... Прохожие были местные влиятельные землевладельцы: Шатилов (известный сельский хозяин) и Воейков, третий — какой-то их знакомый князь из Петербурга. Губернатор В. К. Шлиппе немедленно вызвал к себе по телефону Гартье, распекал его в присутствии жалобщиков и велел просить извинения. Смущенный Гартье, разумеется, рассыпался в извинениях и уверениях, что произошло «недоразумение». По уходе Гартье губернатор стал уговаривать потерпевших удовольствоваться этим извинением (Гартье женат на племяннице губернатора). К стыду гг. Шатилова и Воейкова, они «простили» Гартье, но петер-

бургский князь, которого полицмейстер во время объяснения «легонько толкнул» в шею, не захотел простить, и г. Гартге должен был подать в отставку.

Вот что значит быть у нас князем и влиятельным лицом! Но у кого нет связей, кто не знаком с губернатором, тот находится в полной и бесконтрольной власти полиции, все жалобы на которую напрасны. Простой обыватель испытывает к полиции ужас; у нас есть пословица: «когда идешь в участок, раньше исповедуйся и причастись». Наши полицейские участки — это форменные застенки, в них постоянно творятся ужасы, от которых дыбом становятся волосы. Попавших в участок пьяных обирают до нитки и бьют так, что нередко вопли доносятся до улицы. Эти «каторжные гнезда» полны кровавых преступлений.

Года два тому назад были арестованы два вора и посажены во вторую часть. Что с ними там делали, неизвестно, но на следующее утро их обоим нашли в камере «повесившимися». Трупов не вскрывали и мирно похоронили... А совсем недавно произошел вот какой случай: 10 февраля 1902 г. старший городской второй части Баутин был в гостях у своего земляка, Андрея Дмитриева, дворника при Сапельниковских банях. Дмитриев стал просить Баутина вернуть ему взятые у него взаймы 25 руб. Тот предложил ему пойти с ним в часть и там получить деньги. Заведши земляка к себе, Баутин повалил его на землю и стал бить его утюгом по голове. Дмитриев тут же под ударами и умер. Баутин был арестован, но через сутки, ко всеобщему изумлению, был выпущен на свободу под поручительство местного подрядчика Антонова (не ссориться же ему с полицией!). Городовым второй части строжайше было приказано начальством говорить, что смерть Дмитриева произошла от несчастного случая: Баутин и Дмитриев стали шутливо бороться, Дмитриев упал и ударился головой о край печки.

Впрочем, все это дела обычные; во всех русских городах творится то же самое. Но есть в тульской полиции нечто, даже для русской жизни необычное, есть достопримечательность, о которой не перестают говорить в Питере и о которой всякий туляк может вам порассказать самые удивительные вещи. Эта достопримечательность — пристав четвертой (Чулковской) части Лавров. В других тульских частях людей бьют и истязуют в застенках, — Лавров вынес застенки на улицу, всю Чулковскую часть

он обратил в один сплошной застенок. Запел подвыпивший мастеровой песню, не поклонился он Лаврову, — Лавров с городовыми набрасывается на него и тут же на улице подвергает избиению; бьют жестоко, кулаками, ногами, иногда до бесчувствия. Если какой-либо прохожий заметил Лаврову, что, по закону, бить людей не полагается, Лавров набрасывается с городовыми на прохожего, вламывается за ним в его квартиру и избивает его там, на глазах жены и детей. В марте прошлого года умер один чулковский лабазник от побоев, нанесенных ему Лавровым в его собственном доме. На похороны этого лабазника, из боязни демонстрации, никто не был допущен... Если несколько человек собираются на улице вместе, если летним вечером уставшие от работы мастеровые сидят на лавочках у ворот, налетает Лавров и разгоняет всех нагайками (заметьте, что Тула даже не находится на положении усиленной охраны). Все дома в Чулкове обложены правильной данью; на ночных сторожей, между прочим, тратится в месяц 120 руб., а собирается Лавровым около 900 руб. Завидев вдалеке Лаврова, лавочники спешат запереть лавки, так как выгоднее этот день не торговать, чем увидеть у себя в лавке чулковского «хозяина». Сотни жалоб подаются на Лаврова губернатору, но они остаются без рассмотрения. Чулковские мастеровые со стыдом спрашивают: «Неужели среди нас не найдется никого, кто бы избавил Чулково от Лаврова?». Лавров прекрасно знает о питаемых к нему населением чувствах и не появляется на улице иначе, как под охраной нескольких городских.

Года два назад много заставило говорить о себе в Туле следующее происшествие. Строилась в Чулкове новая церковь. Лавров, в качестве члена церковно-строительного комитета, собирал на храм пожертвования. На эти пожертвования он купил плащаницу рублей в 200—300. Но слухи ходили, что пожертвований Лавров собрал на сумму, много большую, — рублей до тысячи. Вследствие этих слухов, священник послал помощника церковного старосты Шкунаева поразведать среди обывателей, кто сколько пожертвовал Лаврову. Между прочим Шкунаев зашел к одному трактирщику. Тот ответил, что ему нужно справиться по книгам, и попросил Шкунаева зайти за ответом завтра. Когда на завтра Шкунаев пришел, его встретил Лавров с четырьмя городовыми, которые приняли Шкунаева на кулаки. Шкунаев вырвался и с воплем побежал

ФЕЛЬЕТОН

ИЗ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ РОССИИ.

II.

Рабочие на русских торфяных болотах.

I.

Я прожил четыре лета на одном из русских торфяных болот, видел всю мерзость и подлость эксплуатации рабочего предпринимателем и теперь только имею возможность поделиться с читателями виденным.

Что такое торфяное болото? Что это — фабрика, завод или еще что-либо? Этого, повидимому, не решило, да и не решает и само русское самодержавное правительство, так как еще до сих пор не существует никакой регуляции этого дела. А дело серьезно, дело для России в настоящее время большой важности.

Торф прекрасное, удобное и очень дешевое топливо. Разрабатывается он уже лет 20—30, но особенно принялись за него лишь за последние 7—8 лет, во время

угольного кризиса и в то время, когда цена на нефть стала колебаться.

Работа на торфяных болотах двух родов: 1) собственно выработка торфа в виде кирпичей (ручная и машинная, работают мужчины *), и 2) сушка и уборка уже сработанных торфяных кирпичей (работают женщины). Начинается работа в первых числах мая (но не позже 10-го), кончается: выработка в 20 числах июля, на некоторых болотах даже 6 августа **. Работа женщин, сушка и уборка начинается в то же время, но кончается гораздо позднее: 15 августа, 1 сентября и даже 28—29 сентября.

Торфяная работа, как собственно выработка, так сушка и уборка, требует известного навыка и умения. Кроме того, рабочий должен привыкнуть к воде, невыразимой грязи, к работе под открытым небом и на совершенно открытом месте. Все вместе взятое является причиной того, что обыкновенный рабочий человек, даже

* О другой выработке я писать не стану, потому что мало знаком с нею, да и потому, что еще, с каждым годом она вытесняется машиной. В настоящее время она бывает только на мелких болотах.

** На том болоте, где жил я в 1898 г., кончалась 6 августа, последние же два года 1 августа; работа же женщин — различно.

по улице, преследуемый Лавровым; он вбежал в церковь, где в то время был священник; Лавров вбежал за ним и жестоко избил его в самой церкви. Священник доложил о произведенном Лавровым святотатстве архиерею; Шкунаев подал жалобу прокурорскому надзору. Прокурор жалобе ходу не дал, а архиерей Питирим строжайше велел священнику молчать о происшедшем... Из всеподданнейшего доклада Победоносцева читатели «Искры» уже знают о том трогательном единении, в котором казенный православный бог живет с русской полицией. Как видим, в случае нечаянного столкновения между обоими бог должен сторониться перед приставом и молча глотать наносимые ему обиды... Разговоры о том, как чулковский пристав обокрал бога, не прекращались в Туле. Чтоб положить им конец, губернатор Шлиппе приказал Лаврову привлечь Шкунаева к суду за клевету. Характерно то, что ни один из тульских адвокатов, из боязни Лаврова, не решился защищать Шкунаева, и защитника пришлось выписывать из Москвы. На суде раскрылись поразительные вещи. Хранившийся у Лаврова подписной лист оказался полным подчисток и переделанных цифр; один мясной торговец показал, что на предложение Лаврова пожертвовать на церковь он попросил его внести в лист 50 руб., которые Лавров должен был ему за мясо. Этих денег в листе не оказалось... Шкунаев был оправдан. Выходя из суда, Лавров громко, при публике, обратился к мяснику со следующими словами: «Ты против меня свидетельствовать? погоди же, я тебе покажу!». И само собою разумеется... показал! По настоянию губернатора дело было перенесено в следующую инстанцию. По отношению к неприятным свидетелям были приняты соответственные меры, и во второй инстанции Шкунаев был осужден.

Все это дело чрезвычайно взволновало благочестивую Тулу. Указывали на то, что губернатор Шлиппе — лютеранского вероисповедания, что новая царица немка, что православному богу приходит конец... Вообще тульский обыватель еще довольно сильно склонен объяснять окружающие его безобразия частными случайными причинами. Так, поразительную, даже для русских условий, безнаказанность Лаврова, которому, по общему мнению, давно уже место на каторге, обыватели объясняют тем, что губернатор Шлиппе должен ему по векселю 30 тысяч рублей. Безнаказанность Гартье, женатого на племяннице губер-

натора, объяснили родственными чувствами г-на Шлиппе *. К счастью, такие взгляды все больше начинают сменяться другими, более широкими и люди спрашивают себя: «что же это за порядок, где любой каторжник в полицейском мундире может сделать с тобою что хочет и управы на него нигде нет?».

Московский Комитет Российской Социал-Демократической Рабочей Партии выпустил следующую (от 16 марта 1902 года) прокламацию: «Товарищи! В субботу 9 марта происходило собрание механических рабочих и ткачей Рогожского района. На этом, как и на предыдущих собраниях, клеймили и ругали интеллигентов, называли их врагами рабочего класса, проповедывали мирный образ действий и советовали не заниматься политикой, вредной для успеха рабочего дела. Товарищи! Никто из вас, конечно, не верит этим Иудам рабочего дела. Ведь такие речи говорят всегда одни и те же ораторы, такие же речи говорят и их главные руководители и советчики Зубатов и Трепов, агенты полиции. Никогда еще и нигде в мире ни один рабочий не верил и не поверит, чтобы устами полиции говорила истина. Во всех странах Запада. Европы рабочим принадлежит право свободной борьбы с капиталистами, право свободно высказывать свои идеи. Не то у нас, где всякое свободное слово давать. Вспомните, что всех ваших товарищей, высказывавшихся на ваших собраниях иначе, чем явные и тайные агенты Зубатова и Трепова, арестовали и они еще и теперь сидят в тюрьме, откуда шлют вам привет и совет не верить гг. Афанасьевым, Красивским, Слеповым и др. Иудам, этим истинным врагам рабочего дела. А интеллигенты, сотнями и тысячами идущие в тюрьмы и ссылку во имя идей правды, желают вам добра, а не зла. Всем вам, товарищи, известно, что в Бутырской тюрьме сидят до 6 сот студентов и курсисток за то, что они перестали

* Родственные чувства у г-на Шлиппе действительно сильны. Так, например, в прошлом году в Туле давал концерт артист Зиссерман, родственник губернатора. Помощники приставов раз'езжали по домовладельцам, предлагая им брать билеты на концерт. Более независимые отказывались, более серые, чтобы не ссориться с полицией, кряхтели и вытаскивали из карманов кошельки.

простой землекоп на эту работу не пойдет — он ее не сделает, да и не вынесет. Издавна сложилось уже так, что рабочие на торфяные болота нанимаются в известных губерниях, больше даже только в определенных уездах. Такими местами в России являются: 1) Рязанская губерния (уезды Скопинский, Рязанский, Михайловский, Спасский, Раненбургский, Касимовский и отчасти Пронский), 2) Зубцовский уезд, Тверской губернии, 3) Тульская губерния, уезды Крапивинский и Епифановский, и 4) северная часть Калужской губернии. Торфяные же болота в России находятся в губерниях: Петербургской, Рязанской, Тверской, Тамбовской и Калужской. На каждом болоте, где есть хотя одна машина, должно быть рабочих: мужчин не менее 30 человек и женщин не менее 20. Большинство же болот имеют от 5 до 12—15 машин *. Значит, почти все население указанных мест, где есть работники — «торфяники» и работницы — «торфушки» (так обыкновенно они называются на болотах), должно уходить на лето из дому. Действительно, это так и бывает, и дома остаются 1—2 работника (мужчины или женщины, смотря по местности), старики, старухи, да разве иногда беременные женщины,

для которых работа на торфяных болотах не допустима *.

Казалось бы, что такое отношение количества болот к количеству рабочих должно было влиять на заработную плату; в действительности этого не бывает, разве только как исключение. Происходит это от того, что сами рабочие стоят на низшей ступени развития, они поголовно все во власти всякого рода начальства и мысль их забита невероятно. Всякое ничтожество, вроде урядника, попа, а тем более земского начальника, добилось того, что в народе «рязанец» стало нарицательным именем для всех простаков мысли и дела... Ниже я укажу виды протеста, к которым иногда прибегали обездоленные и загнанные торфяники, когда более терпеть их сил уже не хватало...

Наем рабочих производится таким образом. (Наиболее характерен наем мужчин.) В деревню приезжает приказчик, читает собравшимся мужикам условия, дает подписаться, отбирает паспорта и выдает задатки (обыкновенно по 10 руб. на чел.). Мужики, сдавленные в это время (октябрь и начало ноября) со всех сторон требо-

* Если не ошибаюсь, у одного Викулы Морозова в Орехове-Зуеве до 40 машин (на нескольких болотах).

* Что на всех болотах впрочем допускается. Я слышал от работниц, что на одном из болот Московской губ. был даже случай родов во время работы — кладки штабеля, когда работница упала с подмостей.

ограничиваться студенческими требованиями и стали предъявлять требования политические, т. е. свободы слова, собраний, печати и т. д. Всех их правительство решило либо сослать в Восточную Сибирь, либо в Архангельскую тюрьму на 6 мес. Надо вам знать, товарищи, что они встретили в Бутырьках 42 товарищей рабочих с Мещеринской мануфакт. приветствиями, устроив иллюминацию из матрацов. За это их избили и посадили на парашу. В ответ на такой произвол они объявили голодовку, и вот уже 6 дней как голодают. Если правительство поступает так с врагами рабочих, то почему оно так не расправится с капиталистами? Или оно их считает вашими друзьями? Нет, товарищи, вас правительство всех подло обманывает. Вспомните, что еще Петр Алексеев, наш товарищ рабочий, на суде заявил, что „русскому рабочему народу остается только надеяться самим на себя и ни от кого не ожидать помощи, кроме от одной нашей интеллигентной молодежи: она одна братски протянула нам свою руку и от искреннего сердца желает вытащить нас из затягивающей пучины на благоприятный для всех стонущих путь... И они неразлучно пойдут с нами до тех пор, пока поднимется мускулистая рука миллионов рабочего люда, и ярмо деспотизма, ограждаемое солдатскими штыками, разлетится в прах“. Но и вы, товарищи, уже доказали на последнем собрании свое умение разбираться в истинных целях правительства и его тайных и явных агентов — Зубатова, Трепова, Красивского, Афанасьева и других — усыпить вас всякими обещаниями и ничего для вас не сделать. Надо надеяться, что скоро и совсем будут разоблачены эти Иуды рабочего дела, которые свои желания и мысли навязывают всем рабочим. Что вам дали ваши порайонные собрания? Ничего, кроме права говорить по указке Афанасьева, Красивского. А стоит вам уклониться от этой указки, и вы уже попадете в тюрьму. Но довольно же, дорогие товарищи, терпеть, чтобы среди нас могли пользоваться влиянием эти проходимцы, состоящие на службе в Охранном Отделении. Довольно нам терпеть, чтобы наши дела разрешались в Охранном Отделении! Будем помнить, что правительство — враг наш и друг капиталистов. Иначе бы оно не подавляло всякую нашу стачку вооруженными силами. Наши товарищи, обуховцы, сосланные на каторгу, хорошо знают истинные цели русского правительства и вопиют о мщении. Будем же помнить оставленные нам заветы их и других лучших на-

ванием всевозможных податей, царских оброков и своею собственной нуждой, не слушая, подписывают эти «условия» лишь для того, чтобы поскорее взять задатки. Результаты этого подписывания обнаруживаются уже после, на работе.

Отдавши паспорт, рабочий закрепощен. Если бы ему даже и представилось более выгодное место, он должен отказаться.

Я уверен, глубоко уверен в том, что если бы эти несчастные закрепощаемые понимали всю свою силу, понимали, что не они должны кланяться купцу-предпринимателю, а он им, они могли бы добиться огромных для себя уступок. Простой мирной стачкой они «заставили» бы платить за работу вдвое против того, что им платят теперь, потому что и тогда предприниматели все-таки получили бы барыши и не маленькие. Я приведу в доказательство цифры, которые покажут яснее.

Каждый пуд торфа обходился на болоте Хлудовых со всеми расходами по ремонту, жалованию служащим и рабочим, погашению и пр. 5,5 коп. + 1,5 коп. за перевозку в ближайший город (Егорьевск, Рязанской губ.), а продавался по 10 коп. за пуд. Следовательно, Хлудовы от каждого пуда торфа получали 3 коп. чистого барыша. Выработывая в 1900 и 1901 гг. при 9 ма-

ших товарищей бороться за святую истину, за полное освобождение рабочего класса от рабства, за коренное изменение общественного порядка...»

Волнения крестьян на юге.

В Константиноградском уезде, Полтавской губ., — бунт, убит управляющий — бунтуют несколько деревень. В Карловке (громадное имение герцога Мекленбургского, в котором работает до 6.000 рабочих) собраны войска — 1.500 чел., губернатор полтавский там же. Арестован высланный из Карловки студент Баумштейн, а за что, неизвестно.

В Харьковской губ. тоже бунтуют. Это даже и «бунтом» нельзя назвать, потому что это не вспышка простая. Места, охваченные восстанием, оцеплены и пройти оттуда нельзя, потому и неизвестно ничего.

Мы слышали, что причиной «восстания» является требование крестьян о выдаче хлеба для обсеменения. На первые попытки голодающих взять хлеб из магазинов силой власти ответили жестокими расправами. В результате «бунт», который вызвал поездку на юг нового министра Плеве.

Полтава. (5 апреля.)

Не успела Полтава успокоиться после февральской истории (см. № 18), как в средних числах прошлого месяца появились неопределенные слухи об обысках у крестьян, о распространении среди сельского населения прокламаций и нелегальных брошюр. После 25 марта получились, наконец, вполне достоверные сведения о брожении среди крестьян и казаков. Управляющий Карловской экономией Шейдеман и городской голова г. Полтавы Трегубов потребовали от губернатора присылки войск. В первой экономии крестьяне забрали часть картофеля, из второй весь хлеб. Население, уверенное в том, что теперь все можно, забрало в целом ряде имений весь хлеб, запасы сена и соломы. Крестьяне действуют спокойно, с полным сознанием своей правоты. Чинно, со старостами и сотскими во главе, подвезают они к усадьбам и экономиям и требуют ключей от амбаров и складов. Обыкновенно

шинах ежегодно 5.000 куб. саж. или 1.100.000 пуд. торфа, они клали себе в карман не больше, не меньше, как 33.000 рублей... Цифра баснословная, ужасная, ей трудно верить. Но это действительно так, действительно еще и то, что эти 33 тысячи буквально выжаты, выданы из голодных мужиков... Если бы предприниматель получал только $\frac{1}{4}$ коп. с пуда барыша, то и тогда цифра была бы внушительна — 5.500 руб., а ведь это только за три летних месяца... П. М. Соловьев в своей книге «Разработка торфа на топливо» приводит почти такие же цифры о барышах Викулы Морозова в Орехове-Зуеве. Разница лишь в том только, что там пуд торфа (опять таки за погашением всех расходов) обходился в 5,6 коп. Значит Морозов получал только на 0,1 коп. меньше Хлудовых, но так как сведения г. Соловьева сообщались торфмейстерами, то весьма возможно, что цифры не отличаются особой верностью.

Если бы этот огромный излишек в 27.500 рублей (33.000—5.500), который получили в 1901 г. Хлудовы, разделить на 520 человек, работавших на болоте, это было бы почти по 53 рубля на человека, что для крестьянина составляет многое. Но, конечно, какое дело гг. Хлудовым и К^о до того, что несколько сот рабочих с утра до вечера стоят в грязи, сгибаются под 2—3-пудовой корзинкой с торфом и пр... для них важно то,

владелец предупреждался за день, что у него назначен разбор хлеба. Если владелец не дает ключей, то замки срываются, повозки нагружаются хлебом, и все раз'езжаются по домам. Крестьяне объясняют, что «царству панов наступил конец» и что «велено забирать по 5 пудов на душу». Один из помещиков отвесил эту пропорцию 80 крестьянам, явившимся к нему, и у него больше ничего не тронули. Хлеб забирается не только у помещиков-дворян, но и у односельчан богачей, особенно у тех, которых народ не долюбивает. Так, у казака Кивы и Божка забрали не только весь хлеб и корм для скота, но и всю домашнюю утварь. Никаких избиений владельцев или других насильств крестьяне не производили. Каждый день приносились новые вести. Из экономии Дурново в Чутове, Войновке и Искровке забрано до 17 тысяч пудов пшеницы. Район, охваченный движением, быстро увеличивался. В Полтавском уезде крестьяне и казаки поднялись в Чутовской, Васильевской, Первозванской и Руновщанской волостях; в Константиноградском уезде во всех местах, прилегающих к Карловскому имению, занимающему свыше 58 тысяч десятин; в Харьковской губ., в Валковском и Богодуховском уездах, главным образом, в селении Ивановке, где крестьяне забрали с завода Молдавского до 30 тысяч пудов сахару. Брожение охватило не административный район, а местность с одинаковыми экономическими условиями. Большую часть этого района заняли крупные имения, вроде Карловки, имени Дурново и т. д. У окрестных крестьян ничтожные наделы, скудные заработки, почти полное отсутствие выпасов и т. д. Процент безземельных и малоземельных чрезвычайно высок.

Соседство больших экономий с «рациональным» хозяйством, с управляющими вроде Шейдемана, которые ведут по отношению к сельскому населению политику «выжимания всех соков», делает положение настолько тяжелым, что, по выражению крестьян, «хоть ложись, да помирай». В экономии Дурново, например, крестьянин может получить десятину под посев при условии обработать и снять хлеб с трех десятин и, кроме того, выходить на работу по первому требованию за плату, установленную управляющим. В страдную пору, когда цена поднимается до рубля, окрестное население должно работать по 30 коп. За выпас скота, мочку конопли и т. д. взимается, разумеется, особая плата. Все эти ненормальные, крайне тяжелые условия уже давно создали почву

для глухого недовольства. Особенно тяжелым оказался настоящий год. Почти повсеместно урожай получился ниже среднего; кормовые средства оказались истощенными уже в средних числах января. Продовольственные и семенные ссуды, по уверениям крестьян, не выдавались новыми органами — уездными с'ездами. (Вероятно, чтобы не баловать народ.) Это полуголодное жалкое существование не могло породить довольства существующим порядком. Всякий слух, преломляясь среди невежественной и темной массы, принимал своеобразный характер. Достаточно было пустить хотя бы самый нелепый слух, чтобы возбудить движение. Роль возбудителя сыграли прокламации и брошюры, в которых ярко и выпукло обрисовывалось положение крестьян после «воли», мошенническое «освобождение» с выкупными платежами и «нищенскими» наделами и, наконец, современное безвыходное положение. Для руководства раздавалась краткая история Великой французской революции. Среди народа эта литература породила самые разнообразные толки, предположения и догадки. Говорили, что царь бежал за границу и отказался от помещиков, что три года будет править наследник, и что теперь «их, мужиков, власть». Во многих местах составлены приговоры действовать единодушно. Среди всех слухов трудно разобраться. Упоминают о каком-то «манифесте» и о наделении крестьян по 6 десят. на мужскую душу. Между тем движение с каждым днем принимало все более и более стихийный характер. Никто не ожидал ничего подобного. Тревожные известия совпали с приездом в Полтаву ген.-губ. Драгомирова. После от'езда Драгомирова, в ночь с 28 на 29 марта, два батальона двинулись в Карловку, в имение «светлейших князей», и начались репрессии. «Гуманный» начальник губернии—Бельгард прибегнул к любимому средству наших администраторов—к жестокой и беспощадной порке... Число жертв пока неизвестно. На следующий день двинуты войска в Войновку, Чутово и другие села. Но движение не останавливалось. После выступления почти всех войск из Полтавы (два полка) получилось известие, что в Ковалевке, в 12 верстах от Полтавы, забирают муку на мельнице Трепке. За отсутствием других властей земскому начальнику Кованько даны две роты и неограниченные полномочия подавить движение. Отныне Кованько должен быстро пойти по лестнице возвышений, ибо не побоялся запятнать себя братской кровью для доказательства пре-

что они-то, Хлудовы, ели, пили, имели содержанок и пр., да получали бы «тыщи»...

Этим я закончу первую главу моей статьи. Во второй я постараюсь показать читателям собственно положение рабочих на торфяных болотах.

II.

Работа на торфяных болотах, как я уже сказал, начинается в первых числах мая. Работа тяжелая... Мужчины рабочие разбиваются на артели, и каждая артель выбирает себе старосту. Староста наблюдает за работой, за постановкой машины, заведует харчами и т. д. Вся артель делится на три партии, из которых каждая знает только свое дело, иногда впрочем меняясь местами с товарищами.

Первая партия, в 13—14 человек, копает торфяную массу и бросает ее в элеватор, который уже подает массу в пресс машины. Следующая партия—4 человека—занимается рубкой на кирпичи и приемкой уже готового выработанного торфа. И наконец третья, 12—13 человек, отвозит торфяные кирпичи (по 4 штуки на особой дощечке; таких дощечек на каждый вагончик кладут по 22 штуки) на место сушки и складывает там их в известном порядке.

Чтобы объяснить нагляднее всю тяжесть этой работы, мы опять-таки обратимся к цифрам. Самая тяжелая работа у первой партии, которая копает торфяную массу. В среднем машина в день вырабатывает 30.000 кирпичей. Каждый кирпич по выходе из машины весит 29—30 фунтов. Если даже предположить, что кирпич весит только 25 фунтов, и тогда тяжесть, падающая на 13 человек, будет = 18.750 пудам, что для одного рабочего составит несколько более 1.440 пудов. Положим, такую страшную тяжесть рабочий должен поднять в течение 14 час. и по частям, но надо принять во внимание и ту силу, которую употребляет он на то, чтобы воткнуть лопату в массу, нагнуться, поднять, бросить и т. д., и мы увидим, что действительно работа громадная. Кроме всего этого, надо заметить и то, что рабочие этой партии всегда стоят в грязи, чуть не по колено в воде... Я не в силах изобразить всего того, что я видел, всю подавляющую картину этой работы, да притом еще так скудно оплачиваемой.

Работа начинается весною в 2—2½ часа утра, кончается в 9—10 часов вечера; летом (с 1 июля) в 3—3½ начало, а конец в 8—8½ и иногда в 9 час. Из этого числа рабочих часов надо исключить 5 часов на завтрак и обед. Таким образом чистый рабочий день весною = 14 часам, а летом 13—12½... И это не ошибка...

данности «царю и отечеству». По рассказам очевидцев, две роты к вечеру с двух сторон подошли к Ковалевке и окружили крестьян, которые нагружали на повозки муку. Дети, подростки и бабы во дворе Трепке ловили кур, уток и другую живность. Кованько подошел к крестьянам и потребовал, чтобы мука была снесена в мельницу. Крестьяне продолжали свое дело; некоторые же окружили «земского», и ему пришлось отойти к ротам. В это время 8 крестьян, задержанные солдатами и оставленные в стороне под конвоем 4-х человек, были отбиты толпой, при чем один из крестьян получил удар штыком в область желудка. На предупреждение, что солдаты будут стрелять, если толпа не разойдется, крестьяне ответили, что нет такого закона, чтобы убивать православных. После двух предупреждений и выстрела в воздух произведен залп в толпу. К счастью, повозки послужили естественной защитой, иначе количество жертв было бы ужасающее. Убито на месте три человека и тяжело ранено два, из которых один на второй день скончался в Полтавском богоугодном заведении. У одного из убитых оказалось 12 ран, так что его буквально изрешетили. Менее опасно ранены 4 бабы и один мальчик. По слухам, число раненых значительно больше, но они скрываются. Следует отметить, что ни губернатор ни полиция (при одной роте находился пристав) не прибегли к этой крайней мере. В других местах идут усиленные экзекуции. Не довольствуясь кровавыми жертвами в Ковалевке 3 апреля, там же высекали 30 человек. Бьют суковатыми прутьями. После первых же ударов целостность кожи нарушается. Бьют до потери сознания, отливают и вновь бьют. Бьют до смерти. Ударов не считают «кто сколько выдержит». В Валковском уезде губернатор Оболенский не уступает губернатору Бельгарду, который после выговора за «мягкое обращение» от опричника Сиягина рад показать свое усердие и преданность... Репрессалии в одном месте вызывают ужас и уныние, в других — озлобление. В Карловке после экзекуции крестьяне опять бросились в экономию. Туда вытребован целый полк из Харькова. Оттуда же прибыло в Полтаву 500 казаков, так как пехота не может угоняться за крестьянами. Одновременно с поркой приступлено к судебному следствию, которое передано следователю 1-го участка Тимофееву и трем кандидатам на судебные должности: Васильеву, Своехотову и Антонцу-Федьяновичу. Интересно, с каким чувством приступят они

к производству судебного следствия под свист розог после кровавых убийств со стороны слишком ретивых и верно-подданных слуг государя. 3 апреля, под председательством вице-губернатора и при участии городского головы Трегубова, жандармского полковника и др. лиц, состоялось совещание по вопросу об охране города на случай беспорядков. Результаты пока неизвестны. По слухам, главное внимание будет обращено на губернаторский дом и банки. Сегодня же, 5 апреля, состоялось другое, более интересное совещание, состоящее из всех уездных предводителей дворянства под председательством губернатора. Совещание должно высказаться о мерах для предупреждения и подавления брожения среди населения. Говорят, что предполагается ходатайствовать о выселении всех «поднадзорных» из Полтавы и усилении репрессалий. Более целесообразных мер не могли придумать представители первенствующего сословия. Все эти события вызывают недоумения среди самых лояльных слоев населения. Лишь некоторые из дворян-помещиков находят, что действия администрации не достаточно энергичны, что необходимо вешать «мерзавцев». На все события наброшен покров тайны, под защитой которого администрация чувствует себя неуязвимой. Попасть в район, охваченный движением, невозможно. Арестовывают всех подозрительных, т. е. не местных, жителей. Известия передаются шопотом, украдкой, а между тем факты требуют света, широкой гласности, и тогда «первенствующее сословие» узнало бы, что одни проклатания в крестьянской среде не сделали бы ничего и что дальнейшая политика репрессалий неизбежно должна привести к кровавому мщению со стороны крестьян... Только что получены сведения, что движение захватило Диканьскую волость и перешло в Зеньковский уезд. Признаки брожения обнаружены в Пирятинском, Прилукском, Хорольском и Лубенском уездах.

К приговору по делу о павловских сектантах.

Приговором суда по известному делу разрушения церкви в селе Павловках, 17 чел. оправдано, 49 признаны виновными. Из них 4 приговорены к тюремному заключению, 45 к каторжным работам. Мойсей Жодосненко и Григорий Павленко на 15 лет, 37 человек на 12 лет, 5 на

Я думаю, что цифры говорят за себя, и читатели представляют себе несколько (вполне можно иметь представление только на болоте, увидевши) работу мужчин на торфяных болотах. Обратимся к работе женщин.

Работа женщин состоит в следующем: 1) они должны просунуть торфяные кирпичи, складывая их в известной формы клетки, 2) уборка уже высушенного таким образом торфа — складывание его в «штабеля»*. Сушка делится на три периода: а) сушка в «пятках»**, т. е. в клетках из пяти кирпичей. Эту работу исполняют почти везде малолетки — от 11 до 15 лет. При всех трех видах работы работающим задаются «уроки». На «пятки» дается сложить от 7 до 8 тыс. кирпичей на человека. Каждый кирпич надо поднять, перевернуть и уложить вместе с другими в известную форму, б) кладка пяти пятков в «малые клетки». Работают и взрослые. Урок от 6 до 6½ тысяч, в) кладка пяти малых клеток в одну «большую». Урок от 5 до 5½ тысяч. Рабо-

тают только взрослые. Работа считается самою неприятною, требует большой ловкости и аккуратности и потому очень продолжительна. Чтобы опять-таки нагляднее показать работу женщин, укажу на работу «уборки» торфяных кирпичей в штабеля. Кладут штабель 14 человек, так называемая «рамка». Здесь работа распределяется так: 4 «уголки» кладут в стенки штабеля и углы (только взрослые, требуется знание), 2 «середницы» (от 15—17 лет) кладут середину штабеля и 8 таскалок (взрослые) подтаскивают торф из «больших клеток».

Возьму для примера работу таскалок. Каждой «рамке» на урок дается сложить два штабеля. Кирпич даже сушеный 2 недели весит почти 4½ фунта, на болоте он сохнет всего 9—10 дней, потому вес его надо принять minimum 6 фунт., а отсюда в 15.000 кирпичях (штабель) весу — 2.250 пудов. Таким образом на одну «таскалку» за день придется $2250/8 = 562\frac{1}{2}$ пуда! Опять цифра невероятная, и опять скажу, что это действительно так. Работницы не замечают этого, но сами же говорят, что в штабель уходит корзин «сот семь с лишним». В каждую корзину «таскалка» кладет от 20 до 22 кирпичей. Двадцать кирпичей по 6 фунтов = 3 пуда. $2250 : 3 = 750$ корзин. Ошибаются они только на 50 корзин. Грустно главным образом то, что они не

* Штабель имеет вид усеченной пирамиды. Кладется при помощи двух рамок, определяющих его форму и двух шнурков. Величина его = 5½ сажень в длину, 1½ саж. в ширину, высота бывает различна, но обыкновенно не более 2-х сажень. В штабель уходит от 15.000 до 17.000 кирпичей.

** В кавычках названия специальные, принятые на всех болотах.

8 и 1 на 4 года. Говорить о всех правонарушениях, беззакониях и той массе произвола, которым сопровождается это дело, — мы не будем: всякому понятно, что при нынешних порядках иначе и быть не может. Нам лишь хочется обратить внимание на следующую подробность: защите не дозволено было видаться с подсудимыми и только уже в стенах суда ей было разрешено предложить им несколько вопросов и то в присутствии и при контроле властей. Если бы мы видели в этом факте только одно лишнее правонарушение, одно лишнее беззаконие, то не считали бы нужным его комментировать. Мы бы просто ограничились отметкой этого факта для памяти, чтобы он не забылся к тому времени, когда правителям России придется пожинать плоды того, что они такой щедрой рукой теперь сеют.

Но нам кажется, что в этом факте есть еще и другая сторона — интересная и поучительная с точки зрения уяснения отношения русского правительства к сектантству, как к политическому фактору.

Недопущение защиты видаться с павловскими сектантами ясно показывает, что правительство боится и всеми силами старается не допустить ознакомления русской интеллигенции с стремлениями, ожиданиями, надеждами и идеалами русских сектантов.

Ведь в настоящее время все это русской интеллигенции не только неизвестно, но хуже того: в большинстве случаев она имеет обо всем этом самое фантастическое, самое ложное представление. В общих чертах представление интеллигенции о сектантах сводится к тому, что сектантам важно и нужно одно «божественное» — «неземное», что они люди «не от мира сего».

Само собой понятно, насколько выгодно такое представление для правительства, ибо оно в корне подрывает всякую возможность сближения интеллигенции с сектантами, в особенности революционной интеллигенции. Правительство знает, что сектантство представляет из себя чрезвычайно благоприятную почву для восприятия революционных идей, и потому всеми силами старается о том, чтобы эта истина не стала известна революционерам. Преследование правительством так называемых «толстовцев» может быть объяснено только с этой точки зрения. Ведь не за то же преследует правительство толстовцев, что они проповедуют греховность сопротивления ему насилем или любовь к его членам? Нет, прави-

тельство преследует толстовцев потому, что боится, в особенности боялось несколько лет тому назад, как бы они не послужили связывающим звеном между сектантами и революционерами; как бы через их посредство не произошло сближение и единение между теми и другими на почве политических интересов русского народа. Свободная, не стесненная беседа защитников с подсудимыми павловскими сектантами могла бы способствовать более правильному отношению к сектантству, как политическому фактору. Вот этого и не хочет допустить правительство, так как отлично понимает, какие это может иметь последствия.

Нам кажется, что русским революционерам не мешало бы обратить серьезное внимание на эти постоянные старания правительства и принять меры к тому, чтобы эти старания перестали увенчиваться тем полным успехом, каким увенчались до сих пор.

Штундист.

Гомель, 24 марта. В нашей тюрьме в одной камере сидят 32 человека, арестованные 4 месяца тому назад на одном собрании, несмотря на то, что больше 14 заключенных содержат в этой тюрьме не полагается. Положение заключенных ужасное. От чрезмерной тесноты и удушливого, спертых воздуха почти все они заболели, а у некоторых даже кровь из горла пошла. Шум и веселье, царившие прежде в этой камере, сменились тоскливой тишиной. «Особенно ужасно, когда мы просыпаемся ночью, — пишут заключенные, — о, ужаснее нельзя себе ничего представить! Воздух тогда так удушлив, что мы еле дышим. Мы мечемся во сне во все стороны, мы не находим себе места. Один стонет, другой кашляет, у третьего — кровотечение из горла и т. д. Сердце разрывается на части от таких страданий». ... Заключенные заявили начальнику тюрьмы, что их жизни грозит опасность в стенах этой тюрьмы; на это начальник ответил, что ничем не может им помочь и что его дело только стеречь их и не дать им бежать. Заключенные послали прошение местному жандармскому полковнику Власеву, и в случае, если оно останется без последствий, они решили отправить 32 жалобы прокурору.

знают, какую работу они делают, они знают, что таскать 3-пудовую корзину «с непривычки» тяжело, но и только... Почти каждый день (в штабеля начинают класть с конца мая и до «отработки») перетаскивают на себе 560 пудов, да притом еще половину на так называемые «ходы» (подмости на 1½ арш. от земли). Женщин работа на торфяных болотах очень старит: в 30 — 35 лет работница выглядит совсем старухой.

Следовало бы этим работникам и работницам показать всю ту «хитрую механику», которую продельывают над ними эксплуататоры, давая им за такую адскую работу такую ничтожную плату.

III.

Плату рассмотрим сначала мужчин, а потом женщин. Мужчины работают «сдельно». Артель за каждую выработанную 1000 кирпичей получает от 1 р. 35 к. до 1 р. 50 к. На болоте Хлудовых артель в первые года получала 1 р. 40 к. — 1 р. 50 к.; за последние же два года установили следующее. За 1000 — 1 р. 35 к. и кроме того 10% «награды» всем дожившим до срока (1 августа). Слово «награда» на рабочих подействовало ошеломляюще, они все стали доживать до срока

(прежде из 9 артелей доживало 6, 7), почти не догадываясь о том, что плата стала даже менее прежней. Предпринимателям, конечно, это было на-руку... Выбавляя по 35.000 в день, рабочие получали (на своих харчах) 51 р. 97 к. вместе с наградой. Даже при 40.000 выработке (что бывает очень редко) только 59 р. 40 к. на 30 человек. Полагая, что на харчи артель в день тратит (35.000) 15 р. 97 к. (рабочие должны при этой работе есть сравнительно хорошо, и действительно в харчах они себя не стесняют), чистой выработки остается 36 руб., т. е. по 1 рублю и 10 коп. (приблизительно) на человека. И это — плата за каторжный труд при 14-часовом дне! * За всю «походку» с 10 мая по 1 августа рабочий на болоте Хлудовых в 1900 и 1901 гг. получил от 80 до 85 руб. Это считалось, да и считается, «очень хорошим» заработком даже у рабочих. Действительно, за чистых 2½ месяца (праздники исключены) 85 руб. кажется довольно, но это только кажется и кажется до тех пор, пока не узнаешь, как ая это работа. Работающие на фабриках (торфяные болота, по-моему те же фабрики) вырабатывают за то же время гораздо меньше, но зато их работа и гораздо легче

* Надо еще заметить то, что артель в сущности состоит из 18—20 человек, остальные у артели на найме.

22 марта (ст. ст.) ночью на одной из главных улиц выстрелом из револьвера был ранен местный провокатор (виновник страданий вышеупомянутых заключенных). Пуля повредила ему лицо. Виновник покушения скрылся. Полиция арестовала по этому поводу двух заподозренных ею рабочих.

Кто подстрекает к террору?

Из прокламации Екатеринославского Комитета Партии заимствуем рассказ о новой тюремной голодовке, вызванной такими условиями заключения, которые являются неслыханными даже в российских тюрьмах.

«Уже семь суток в Екатеринославской тюрьме продолжается голодовка заключенных. Поймите же все, у кого мертвящее рабство не вытравил еще человеческое чувство, поймите, что значит медленная, мучительная смерть людей, полных сил и надежд. Несколько человек уже больны голодным тифом, а сколько еще унесет он в преждевременную могилу?»

«Страшно думать об участи этих 75 самоотверженных людей! А разбойники, правящие нашей родиной, нагло смеются над ними и говорят: „зачем голодать, ведь тюрьма не дворец“. Да, тюрьма и в Европе не дворец. Но разве полагается в тюрьмах делать заключенным женщинам позорные и оскорбительные предложения, — а у нас в Екатеринославе смотритель тюрьмы делает. Разве полагается в тюрьме не открывать форточки, — а у нас в Екатеринославе за такое требование конвой со штыками бросается на уголовных. Разве в тюрьмах полагается площадная ругань заключенных, говорить им „ты“, бить их, — а у нас в Екатеринославе надзиратели и начальство ежедневно поступают так. Разве полагается за каждую малость, за то, что не стоишь на вытяжку перед начальством тащить заключенного в карцер, в темный подвальный карцер, держать в нем человека по 20 дней и обливать его холодной водой, — а у нас в Екатеринославе часто случается это. Наконец, разве полагается лишать всех заключенных прогулки на 2 недели, лишать на такое же время права покупать хлеб и чай, а у нас в Екатеринославе применяют к ним это.

«Ведь при таких унижениях и оскорблениях заключенные все равно теряли человеческое достоинство, все

равно медленно чахли. И потому правы, тысячу раз правы они, когда решили лучше сразу умереть, чем позволить над собою упражняться палачам в жестокости.

«И вот лежат заключенные в своих камерах с лихорадочно блестящими глазами, в сильном жару или бреду, обессиленные, измученные страданиями от семидневного голода!»

«Но чаша страданий их еще не испытана. К наиболее стойким из заключенных сам начальник тюрьмы принес обед и, улыбаясь, заявил: „Я знаю, что вы не станете есть его, но хоть понюхайте, как вкусна пища; помучьтесь, видя ее перед собой“. Заключенные в негодовании выбросили на пол всю пищу и за то были брошены в карцер. Глубоко возмущенные этим их товарищи разбили окна в камерах и порезали себе руки. Тогда здешний помпадур, „герой“ 2 демонстраций, граф Келлер велел принести пищу всем заключенным, а когда они отказались принять ее, то сиятельный подлец громко высказал сокровенное намерение правительства: „никаких уступок, смерть всем заключенным“.

«Всю свою жизнь боролись заключенные за свободу и счастье русского народа и общества; их сердца были всегда переполнены страстной ненавистью к рабству и деспотизму, и вот награда им за все это. Кто поддержит их на краю гроба, кто вырвет их из рук бесчувственных тиранов! Русское общество, русский народ, к вам обращен предсмертный взор этих благородных борцов. Очнитесь от гипноза, который навел на вас рабством, идите на улицу, скажите смело и открыто, как сказали в Полтаве на демонстрации перед тюрьмой: „Довольно страдали, слишком много, мы требуем человеческого обращения с заключенными, мы требуем освобождения всех политических заключенных, мы требуем политической свободы!“.

Екатеринославский Комитет Российской Социал-Демократической Рабочей Партии».

Тюремные голодовки происходят все чаще и чаще, служа показателем усиливающейся тенденции властей мучить попавших в их руки заключенных. Кроме известных читателю «Искры» голодовок в Петербургской и Полтавской тюрьмах, недавно происходила еще голодовка в Московской Бутырке. Петербургская голодовка

(сравнительно, разумеется), да и по времени она не так продолжительна.

Женщины живут на жалованье. Взрослые (беру опять болото Хлудовых) получают с мая месяца до окончательной уборки торфа * 24 рубля жалованья и 10% награды, т. е. 26 р. 40 к. на хозяйских харчах (взрослый), малолетки на тех же условиях 13 и 14 рублей. Кроме жалованья, почти на всех болотах бывают так называемые «денежные» штабеля, т. е. сверхурочная работа за особую плату (кладут их после дневных уроков и по праздникам). За каждый денежный штабель рамка (14 чел.) получает обыкновенно 2 р. 50 к., т. е. почти по 18 к. на человека. На болоте Хлудовых 2 р. 64 к. (2.40 + 10%) — почти по 19 к. ** на человека. Это за 3-часовой труд, да еще в праздничное время! На других болотах, напр. у Викулы Морозова, работницы получают по 5 руб. в месяц (тоже на хозяйских харчах). Это, конечно, лучше для работниц, но дело в том, что у Викулы Морозова и работа кон-

чается 15 августа, так что ему действительно выгоднее платить помесечно. Кроме жалованья, у Морозова «дают» каждое лето на 20 и больше рублей денежных, но для того, чтобы «заложить» 20 рублей, на долю каждой работницы приходится около 100, даже более сверхурочных штабелей, так что у Морозова для работниц почти не бывает свободного времени, в то время как и у Хлудова работницы после 4 часов дня уже совсем свободны.

Так как женщины вообще более бессловесны, а работницы на торфяных болотах в особенности, то этим гг. эксплуататоры пользуются очень широко. Работницы «обязаны», кроме работ по уборке торфа, тушить случившиеся пожары, убирать «хозяйское» сено, работать при постройках зданий на болоте и пр. Все это делается после уроков и, разумеется, бесплатно. В 1901 г. на болоте Хлудовых работницы в течение трех дней и трех ночей (буквально) дежурили на пожаре... и не получили за это ни копейки. До каких пор будет продолжаться подобное бесправие, затрудняюсь сказать, но думаю, что долго и потому долго, что среди рабочих очень редко бывают протесты и вообще они наружно своею судьбою довольны... Но все же протесты бывают, и мне приходилось их видеть или от рабочих слышать о них.

* Если август дождлив, то торф последней выработки убирают уже в конце сентября, так что здесь время работы зависит вполне от погоды, что для работниц очень невыгодно.

** На болоте Хлудовых денежных штабелей дается класть меньше, чем на других болотах, обыкновенно на 3—4 рубля в лето для каждой работницы.

стоила, повидимому, жизни одному заключенному—врачу Соболеву, который свезен в больницу в состоянии, подававшем мало надежды на выздоровление. Но подвиги русских инквизиторов идут дальше доведения заключенных до риска самоубийства. Мы получили подтверждение сообщенного уже в нелегальной печати известия о том, что арестованный на прусской границе с транспортом литературы нашей «Лиги» рабочий еврей (к сожалению, мы не знаем фамилии погибшего товарища) на второй же день по заключении в тюрьму в Вилькомире найден повесившимся. Доведен ли наш товарищ до самоубийства жестокими истязаниями или он замучен ими до смерти, а потом повешен, как это, очевидно, произошло не так давно с лодзинским рабочим Я. Пакула,—во всяком случае, смерть его знаменует новое преступление царской полиции.

Делом чести всех недовольных существующим строем является энергичными протестами заставить самодержавие обуздать разнузданное рвение своих холопов. Не надо забывать, что истязания политических заключенных сыграли в 70-х годах большую роль в факте перехода революционеров к террористической борьбе. Мы, социал-демократы, сделаем все возможное, чтобы не допустить такого поворота в современном революционном движении, который означал бы его сужение и грозил бы ему неудачей. Но наши усилия удержать движение на почве массового народного движения могут увенчаться успехом лишь в том случае, если рабочие и интеллигенция будут внимать призывам, подобным тому, который сделан екатеринославскими товарищами, и покажут правительству, что, и не прибегая к террору, революционная Россия может отстоять томлящихся в тюрьмах борцов.

Кишинев. Приводим полностью сообщенный нам документ, показывающий, как готовилась (и может быть продолжает готовиться?) местная администрация к «встрече весны»:

«Его Высокоблагородию Г-ну Ротному Командиру—ского Пехотного Полка Отношение. Предлагаю В. В. назначить роту в 32 ряда для подавления могущих возникнуть в городе беспорядков. Находиться в ведении г-на полициеймейстера. Выступать по приказу. Действо-

вать решительно и ни пред чем не останавливаться. Каждому нижнему чину иметь 15 боевых патронов и 1 веревку. Действие сего отношения простирается до 1 апреля с. г. Комендант (подпись). Кишинев, февраль 1902 г.»

Интересно бы знать, сколько теперь по всей России «рот» и сколько «рядов» стоит в полной боевой готовности (с боевыми патронами и с веревками) для сражения с народом?

Правительственный юбилей.

Правительство праздновало недавно 100-летие присоединения Гродненской губ. Местный «Рабочий Комитет» выпустил (на русском языке) по этому поводу прокламацию к обществу, из которой приводим некоторые выдержки:

«За весь этот вековой период народ этого края остался на той же чуть не варварской ступени экономического развития: он до сих пор ходит в лаптях и носит чуть не допотопную одежду, он так же грязен, так же некультурен, так же темен, если не принимать во внимание той псалтирной грамотности, от которой он не становится ни умнее, ни культурней, так же политически угнетен и экономически поработен; край наш стонет под бременем налогов, военщины и исключительных законов, что промышленное его развитие тормозится бездной правительственных стеснений по мобилизации земельной собственности, благодаря поддержке отсталых форм промышленности и стеснению промышленной инициативы; население края деморализовано чисто восточной подкупностью и моральной низостью властей, городское еврейское население постепенно доводится до крайней степени обеднения благодаря ненормальной скученности и несправедливости, святые чувства оскорбляются бесцеремонностью заушений, местные интересы в полном пренебрежении, благодаря нашествию совершенно посторонних элементов, чуждых пониманию запросов края, земская жизнь нормируется еще екатеринославскими законами; выносы на своих плечах тяжесть содержания войск, край в вознаграждение за столь огромную услугу не только лишен даже тени самоуправления, но еще будет подвергнут татарскому нашествию земских начальников».

IV.

Рабочие мужчины живут, как я уже сказал, на своих харчах. Харчевая лавка держится на болотах или самими хозяевами, или его управляющим и т. п. Отпускают харчи, конечно, на запись. Наживаются от этих лавок хозяева их ужасно. Рабочие волей неволей принуждены забирать в «этой» лавке, потому что брать со стороны и неудобно, да и редко кто отважится отпускать в течение 3 месяцев в кредит. Гг. владельцы лавок пользуются этим и назначают цены, какие им вздумается, конечно, в известных пределах. На одном из болот г. лавочник увлекся и повысил цену на капусту до невероятных размеров, уверяя рабочих, что капуста в «городе» вздорожала. Рабочие терпели, но, к счастью, узнали, что вздорожание капусты в городе басня сочинения г. хозяина. Зашумели и потребовали немедленного расчета. Лавочник хозяин испугался и стал отдавать капусту «себе в убыток», но записи за прежде взятую остались, разумеется, те же, и в общем убытка для него никакого не оказалось. На другом болоте рабочим почти все лето отпускали несвежую говядину и солонину. Рабочие смолчали, но при найме на следующий год «указали» на это обстоятельство довольно энергично и добились того, что уже больше ничего подобного не делалось.

Еще причиной протестов бывает, по крайней мере на Хлудовском болоте было в 1898 г., низкая цена, и рабочие дважды уходили в самое горячее время (конец июня и начало июля) с работы домой. Такой вид протеста бывает очень ощутителен для предпринимателей, и они его очень боятся. На Хлудовском болоте и была придумана пресловутая «награда» с тою целью, чтобы так или иначе удержать рабочих на болоте.

Женских протестов почти не бывает, но я еще до сих пор очень хорошо помню один случай, бывший на том же Хлудовском болоте в 1898 г., который окончился, надо сказать, очень печально и отчасти комично. В предыдущем 98 г. 24 июня (праздник Ивана Купала у рабочих почитается) не работали. Многие из работниц, живших в 98 г., пришли и в 99 г., они, разумеется, помнили про этот праздник. Приказчик, не ожидая, конечно, сопротивления, по каким-то ему одному известным причинам, приказал, накануне 24 июня 99 г., «завтра работать». Работницы, против всякого ожидания, возмутились и решили «завтра» на работу не ходить. И действительно не пошли, нашлись среди них (125 человек) энергичные женщины, которые уговорили других более робких не итти. Приказчик бесился, добивался «чье это дело», но безуспешно. Стачку впрочем выдержали не все, и одна рамка пошла «с повинной». Свириный при-

«В тот момент, когда презренные бюрократы, чуждые понимания местных интересов и запросов народа, будут провозглашать тост за прочность системы, мы тоже поднимем тост — двойной тост — за ее уничтожение и за укрепление народного самосознания. Раз правительство введением военного положения признает в народе своего внутреннего врага, мы крикнем свое первое ура! с тем, чтобы второе ура! крикнуть в момент начала военных действий. Время единения царя с народом миновало безвозвратно, правительство в этом убедилось, нам остается только оправдать предчувствия правительства и собраться в рать великую для борьбы за уничтожение царизма с чиновничеством и водворение европейских демократических норм жизни, чуждых бесправия, беззаконности, бездны стеснений и заушений. Да здравствует свобода и самоуправление!!!».

Г. Гродно, 1 января 1902 года.

Гродненский Рабочий Комитет.

В ХРОНИКУ КУРЬЕЗОВ.

Приводим с сохранением орфографии и стиля письмо солдата к своему товарищу, учащемуся в средне-учебном заведении.

Из письма унтер-офицера лейб-гвардии Павловского полка к своему товарищу:

...«Нового у нас много относительно таких господ, как вас, кто все законы знает. Студенты разных университетов, гимназисты и топорники, т.-е. техники 3-го сего года (в Марте) в час ночи на Выборгской стороне С. П. Б. студенты сделали зверской поступок, взбунтовались и во время их усмирения зарезали одново городского, а 4-го марта в 12 час. дня на одном из главных проспектов петербурга т. н. Невский у казанского собора собрались много студентов, когда их стали просить чтобы они разошлись, то они выкинули свои флаги и знамена с надписью Освобождение от Русского Белого царя. Но бросились бежать к гостинному двору, где путь им был загражден моментально прибыли казаки жандармы 2 эскадрона и Л. Гв. Павловский полк начали усмирять но били без всякого стеснения как самых важных преступников,

всего забрали 600 студентов, одного студента убили наповал, сына полковника Беляева, жандарм, который убил пашкой от государя получил личное спасибо. да еще было раньше 3-го февраля в одном из театров т. н. Народный Дом Императора Николая II на петербургской стороне после гуляния около часа ночи собралась музыка на средину низа для того чтобы играть гимн Боже царя храни, половина уже была сыграна, а потом повалились сверху 3-го этажа кумпола железные столы тубаретки диваны, много поранили бедных гуляк, а особенно солдатыцам попало, а посторонняя публика вся выбегала раздетая. Напустили дворников и полицию и чуть не всех изувечили, но они главное разбили серебряный бокал из которого пил государь при открытии театра. теперь их вышибают из университетов и ково куда ково в сибирь на сахалинь в тюрьму и большому денежному взысканию штрафа и на амур в солдаты, а нам конечно обидно, неужели и мы служим по неволе и для исправления. жестоко оскорбляют громкое звание солдата и мы ругаем все высшее правительство».

ХРОНИКА РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

и

ПИСЬМА С ФАБРИК И ЗАВОДОВ

Из Батума. 31 января, в 8 час. утра, рабочие завода Манташева (около 400 человек) бросили работу из-за того, что управляющий завода Тер-Акопов рассчитал одного рабочего за то только, что последний разговаривал во время работы с товарищами. Рабочие решили, что после этого каждый из них каждый день может быть рассчитан. Кулак-управляющий призвал на помощь полицию. Полиция пустила в ход кулаки и нагайки и арестовала 112 человек. Несмотря на это, рабочие твердо держались; не повлияли на них ни угрозы, ни сладкие обещания, ни нужда, которую они терпели, — они заявили, что не пойдут на работу до тех пор, пока не будут освобождены их товарищи. Через неделю полиция выслала

казчик извинений принять не пожелал. На другой день прибыл управляющий, сказал оробевшим «бабам» грозную речь и за строптивость и «действие скопом» лишил виновных чаю, ситного и лапши * на будущее время. Затем добавил, что «отныне» работы урочные отменяются, а будут продолжаться весь день. Конечно, это была нелепость, которую г. управляющий, что называется, «сбрехнул», и уроки остались те же, но лапши и пр. действительно два воскресенья не выдавали. Так грустно кончился этот — «бабий бунт», а все же могли бы сказать они: «на Иванов-то день мы не работали, значит, даже и мы, коли вздумаем, можем кое-что сделать».

«Хозяйские харчи» сплошь да и рядом выдаются на болотах работницам отвратительные ** и очень скудные, но Хлудовское болото в этом случае поступает лучше других, там харчи хорошие. Впрочем за последнее мною проведенное там время, лето 1901 г., я был свидетелем, как работницам довольно часто «сплавляли» из лавки негодное к употреблению.

* Эти три вещи выдавались по праздникам, как лакомство.

** На одном из болот (я слышал это от работницы) хозяин целое лето кормил «манной кашей». Причиной этому было то, что у него откуда-то скопился много манной крупы.

Мне остается сказать еще несколько слов о помещениях для рабочих и работниц. Почти везде помещения не выдерживают даже снисходительной критики. У Хлудовых, например, в мужских и женских бараках устроены страшно холодные и очень скверные цементовые полы. У Викулы Морозова одно время женское помещение помещалось в двухэтажном здании, при чем наверху были спальни, а внизу кухни. Нечего и говорить, что подобное совмещение неудобно во всех отношениях и, главным образом конечно, в пожарном.

На этом я закончу. Я знаю, что мой очерк не полон, слаб, цифры даны приблизительно, но он правдив, как изображение вообще жизни рабочих, а это по-моему самое важное и именно то, что я ставил себе задачей. Моею целью было показать читателям жизнь этих забытых тружеников, достиг я это или нет, судить не мне. Я не даю никаких указаний, как выйти из этого положения, это не в моих силах, но я все же надеюсь, что долю известного участия, интереса и сочувствия к рабочим на торфяных болотах я возбудил, а для меня и этого довольно...

[Л. Мартов]

целую партию рабочих в деревни. Но рабочие на третий день же вернулись в Батум и опять потребовали немедленного освобождения своих товарищей. Сам Манташев (хозяин завода), терпя большие убытки от забастовки, решился ходатайствовать об освобождении арестованных. Но полиция заупрямилась, говоря, что в таком случае незачем было просить об аресте их. 17 февраля, после того как приехал фабричный инспектор, всех арестованных освободили, кроме двух. 18 февраля рабочие начали работать (приняли всех), так как требования их удовлетворили: обеденный перерыв увеличили с одного часа до 1½ час., управляющего Тер-Акопова и других собак мастеров по требованию рабочих уволили. Кроме того, обещали освободить остальных двух рабочих и за все время, которое рабочие не работали, с 31 января по 18 февраля, заплатили сполна.

В это время на другом заводе Ротшильда рабочие узнали, что директор этого завода Ванштейд отдал распоряжение расчитать старых рабочих (около 420 чел.), как лиц, по его мнению, неблагонадежных. Тогда 28 февраля все рабочие этого завода (около 1.500 ч.), кроме рабочих лесного заводского склада, где работают преимущественно турки, забастовали. Второго марта рабочие принудили бросить работу машинистов, кочегаров и рабочих электрического отдела и приостановили этим налив керосина из резервуаров в наливные проходы, которые отвозят керосин за границу. 4—5 числа рабочие принудили прекратить работы в материальном складе, где работают татары. 6 числа рабочих позвал для объяснения приехавший военный губернатор. Он выслушал рабочих, распорядился по-военному: «Если завтра не явитесь на работу, тогда приму строгие меры». Рабочие, конечно, не явились и тогда с 7 на 8 число было арестовано и посажено в тюрьму 32 чел. Охранять завод пришла полиция, которую поместили в склады и конторы. 8 числа рабочие, числом около 600 человек, собрались и в 1 ч. дня пошли с пением революционных песен по главным улицам города по направлению к тюрьме, где сидели арестованные товарищи. Дорогою к ним присоединились многие из публики. Придя к тюрьме, они потребовали, чтобы всех арестованных освободили или, в противном случае, арестовать и их. Полиция пыталась разогнать толпу, но безуспешно. Во время столкновения один рабочий был ранен. Тогда полиция, убедившись что силою ничего не поделаешь, пустилась на хитрость: арестованных освободили и стали просить рабочих возвратиться домой не через город, а через двор пересыльной части. Рабочие наивно доверились и пошли по указанию, а там в засаде их ждали две роты солдат, которые, напав на рабочих, загнали их в казармы без сопротивления со стороны рабочих. На другой день к пересыльной части пошла толпа рабочих около 400 чел. Дорогою к ним пристало много городской публики. Когда толпа подошла к зданию пересыльной части, произошло столкновение с солдатами. Из толпы, которая была ожесточена до глубины души поступком с их товарищами, полетели в солдат камни и грязь. Тогда по команде командира солдаты сделали залп в безоружную толпу. Толпа рассеялась, но на месте остались один убитый рабочий и 19 раненых. Из них вскоре умерло еще 9 человек. А сколько еще помрут, ибо поранения тяжелые—в живот! Из Тифлиса вытребованы еще 4 роты пехоты, 2 сотни казаков и 2 сотни стражников (чафары). Завод охраняется солдатами. После всего этого на всех заводах города и в Русском и в Российском обществе рабочие прекратили работу. Их примеру последовали «дрогали» (ломовые извозчики) и другие извозчики.

Тула. Местная группа социал-демократов выпустила следующее воззвание, помеченное мартом 1902 г.:

«Ко всем тульским рабочим. Товарищи! Посмотрите, что делается кругом! Со всех сторон несутся вести о безработице: по всей России сокращают производство, фабрики и заводы закрываются, рабочих расчитывают и сотнями выбрасывают на улицу. Тысячи наших голодных товарищей бродят от фабрики к фабрике, не находя себе работы. Нужда все растет; и чем дальше, тем

наше положение становится отчаяннее. Нищета и голодная смерть носятся в рабочих семьях...

«Безработица и голод в то время, как магазины ломятся от хлеба, целые вагоны, нагруженные сестными припасами, отправляются за границу, товары не распродаются! В рабочих семьях дети сидят без куса хлеба, в деревнях крестьяне умирают и пухнут от голода, а во дворце Николай со своей челядью пирует на народные деньги!

«Причиной наших страданий, товарищи, является, прежде всего, устройство нашего общества, в котором кучка богачей пользуется всеми благами мира, ничего не делая, остальные же несут каторжный труд за грошевую плату. Капитал—это бездушный идол, в жертву которому мы приносим свое здоровье, свою жизнь, радость и счастье. Для фабриканта мы—машины, необходимые для получения прибыли. Без нас фабрикант не может существовать, но лишь только мы ему стали не нужны, нас выбрасывают на улицу, как ненужный хлам. Фабрикант не знает ни жалости, ни сострадания. Товарищи! где же справедливость? Тунеядцы живут и наслаждаются, а мы, руками которых создаются все богатства, должны умирать с голоду на улице! Неужели у вас не поднимется чувство негодования против всех тех пиявок, которые сосут вас со всех сторон?

«Фабриканты—наши враги, поработители и мучители. И если мы не хотим вечно оставаться в рабстве, вечно жить в нищете и невежестве, мы должны бороться со своими врагами. Многие из вас, быть может, скажут: „Так было, есть и будет—сила соломой ломит“. Да, товарищи, верно, что фабриканты—сила, для борьбы с которой мы должны тоже противопоставить свою силу. А сила наша—в объединении, в дружном товарищеском союзе. Наши товарищи за границей раньше нас поняли это и давно уже вступили в борьбу со своими угнетателями, соединившись в боевые товарищеские союзы. И своей неустанной борьбой они отвоевали себе лучшую долю. Нет ни одного государства в Европе, кроме Турции, где бы рабочему жилось так плохо, как у нас в России. Товарищи! Мы живем под двойным гнетом: кроме фабрикантов, у нас есть еще не менее злой враг, который не дает нам спланиваться и бороться за лучшее будущее. Подобно китайской стене, перед нами стоит царское правительство с его штыком и нагайкой. Оно—лютый враг рабочего люда, и пока мы не разделаемся с ним, невозможна будет никакая успешная борьба за улучшение нашей жизни. Товарищи, безработица теперь не только в России—наши товарищи на Западе тоже переживают тяжелое время; но нигде нет такой нужды, как у нас. Прежде всего потому, что мы—безгласные, забытые рабы царского правительства. Нас бьют нагайками, сажают в тюрьмы, ссылают в Сибирь за всякую попытку улучшить свое положение. Тысячи борцов за свободу—рабочих и их друзей—томятся в тюрьмах, рудниках и снежных пустынях Сибири; они страдают только потому, что не хотели мириться с своим бесправием и жить в рабстве. Мы позволяем царскому правительству обирать нас всевозможными налогами и поборами, а сами не знаем, куда идут наши деньги. Правительство пользуется нашей безгласностью; на наши деньги задаются пиры и балы для потехи царя и его опричины, содержится миллионное войско, нужное для защиты интересов богачей и правительства, последние крохи выколачиваются из пухнувших от голода крестьян для содержания целой своры жандармов, шпионов и полиции. Наше бесправие дошло до того, что мы не смеем заявить правительству, что нам нечего есть, и готовы лучше сидеть по домам и умирать с голоду. По всей Западной Европе рабочие во время безработицы тысячами толпами выходят на улицу и требуют у правительства помощи. Правительство боится этих грозных сборищ безработных и удовлетворяет их требования. Выборные от народа заявляют правительству о народных нуждах и заставляют его оказывать поддержку безработным. У нас же нет выборных от народа, а государственная власть находится в руках царя-деспота и целой орды царских чиновников, произвол которых не знает границ.

«Правительство держит народ во тьме и невежестве, стараясь всеми силами не пускать луч света в народную массу. Оно знает, что достаточно народу сознать свое бес-

правие, как рухнет царский трон, а с ним придет конец царству кнута и нагайки. Правительство не пускает хорошей книги в народ, запрещает писать правду, отчего плохо живется в Руси, запрещает писать о голоде и безработице, не пускает хороших людей в деревню, искренно желающих помочь голодающему народу, называя их бунтовщиками. Правительство желает передать школы в руки попов, которые умеют так хорошо замазывать глаза народу разными баснями, ссылаясь на бога.

«Товарищи, политическая свобода для нас есть вопрос жизни и смерти. Она необходима нам, как свежий воздух для дыхания. Только низвергнув царя с его опричиной, мы сможем успешно бороться за лучшее будущее. Наши товарищи в других городах России уже поняли свое бесправное положение и дружно выступили на борьбу с царским правительством, требуя себе прав и свободы. Товарищи, примыкайте же и вы к тесной семье рабочих, заявляйте правительству, что и вы не хотите больше быть безгласными рабами, требуйте низвержения царского правительства, которое мешает вам бороться за лучшую долю.

«Товарищи, пользуйтесь теперешним временем. Наше правительство бьет тревогу и прибегает к последним средствам, чтобы оставить за собою власть, обогатившую кровью. Оно издает циркуляр за циркуляром, старается заткнуть все форточки, все щели, в которые может проникнуть свободная мысль. Правительство чувствует себя непрочным и хочет силой задавить поднимающееся со всех сторон возмущение. Негодование против царского правительства растет во всех слоях русского населения: все живое, мыслящее, все, что способно чувствовать гнет и ненавидеть произвол — рабочие, литераторы, студенты, пробуждается, и близок тот момент, когда все недовольные восстанут, как один человек, и бурное пламя революции охватит всю Россию. Товарищи, пользуйтесь же временем, чтобы предъявить свои требования царскому правительству. Товарищи-безработные, выходите толпами на улицу и требуйте себе хлеба и работы. Требуйте созыва выборов от народа.

«Долой самодержавного царя, жандармов и полицию. Требуем хлеба и работы. Да здравствует борьба за политическую свободу!».

Завод Брянский (Орловской губ.). С приездом нового директора Андерсона (в августе 1901 г.) администрация нашего завода стала очень и очень экономить; начала увольнять рабочих, желая сберечь копейки, но эта скверность сейчас же очень тяжело отозвалась на рабочих, так как благодаря ей произошли несчастные случаи, описанные в № 15 «Искры».

Между прочим несчастие с двумя рабочими, обваренными расплавленным чугуном (один из них умер, промучившись около суток, а другой до сих пор тяжело болен), произошло потому, что была уволена часть слесарей, занимавшихся обсечкой краев опок и их пригонкой, и вот при отливке изложницы расплавленная чугунная масса в 250 п. весом, прорвавшись между неплотно пригнанными краями верхней и нижней опок, хлынула наружу и залила двух рабочих. Рабочие буквально плавали в чугуне.

С февраля месяца нынешнего года стали сбавлять расценки и начали с вагонного цеха, сбавив расценки в половину, что и заставило рабочих забастовать в числе 400 человек.

Забастовка продолжалась со 2-го по 6 февраля, и рабочим удалось на половину уменьшить сбавку. Как еще наивны наши брянские рабочие, видно из того, что первым делом после уменьшения расценок они пошли жаловаться приставу, и этот господин, очевидно, усвоивший «новый курс», изложил полную готовность помочь рабочим и призвал всякие беды на голову заводской администрации. Кончилось дело тем, что 70 человек из стачечников было уволено и из них 20 человек старых рабочих, которые не должны бы быть уволены, так как остались поступившие позднее их: очевидно, рассчитаны они как зачинщики.

1 марта в конторе механического цеха было секретное заседание мастеров (2) и подмастерьев (6) этого цеха,

под председательством директора. На этом совещании решено было сбавить расценки. Надо заметить, что двое из участвовавших отказались сбавлять расценки; один из них мотивировал свой отказ тем соображением, что у него «одна голова на плечах», а другой заявил, что, по его мнению, расценки и так низки, и просил лучше перевести его в рабочие, чем заставлять уменьшать расценки. В результате этого заседания с 4 марта расценки сбавили от 4-х до 40%. В 5 часов вечера в этот день 200 человек рабочих механического цеха, преимущественно молодежи, бросили работу, подошли к конторе и стали жаловаться на своего подмастерья заведывающему механической мастерской, требуя его замены.

Начальство трусило и очень скоро уступило, были оставлены старые расценки и назначен новый подмастерье для производства расценок; но старый все-таки был оставлен для наблюдения за работой. Здесь необходимо отметить, как легко уступает наша заводская администрация, как она труслива и как много, сравнительно, могли бы добиться от нее брянские рабочие, если бы проявили больше смелости, настойчивости и солидарности в защите своих интересов.

Надо сказать, что всю зиму настроение на заводе было очень тревожное. Волнение вызывалось, с одной стороны, увольнением рабочих, начавшимся с осени и продолжавшимся всю зиму. С другой стороны — заводская администрация*, желая, вероятно, сразу отделаться от значительного числа рабочих, упорно распространяла слух, что на заводе будет бунт, и назначила даже день 19 марта.

Настроение рабочих было такое напряженное, что «достаточно было бы бросить пустую бумажку, чтобы молва превратила ее в целый воз прокламаций».

Сколько-нибудь широкий призыв к стачке непременно закончился бы бунтом. В течение зимы раза три на заводе была разбросана брошюра «Заработная плата», каждый раз экземпляров по 50.

8 марта утром по мастерским было разбросано до 800 экземпляров брошюр «Кто чем живет», «Заработная плата» и номеров «Искры». Это страшно перепугало заводское начальство и полицию**. Начались обыски и аресты, перерыли весь Брянск, при чем преимущественно искали у евреев, так как на брошюрах была пометка «Бунда».

Тверь. На Вагоностроительном заводе французского анонимного общества в конце февраля были волнения из-за предполагаемого изменения порядка работ. Прежде работали от 7 часов утра до 7 часов вечера, а под праздник с 7 часов до 5 час., при 2-часовом перерыве; а перед 1 марта директор завода Белоножкин (которого еще в 1899 г. избил рабочие в Екатеринославе) вывесил объявление, что работа будет кончаться на ½ часа раньше, но зато и перерыв положен был только в 1½ часа. Руководствовался он при этом соображениями «экономии» на освещении огромных заводских зданий в сумерки, но, как видно, не прочь был «сэкономить» и на зарплате рабочих, заставляя их накануне воскресений и праздников работать на полчаса больше. Но вышло не так, как ему хотелось: рабочие кузнечного и слесарного цехов поднялись, как один человек, двинулись к конторе, настояли на своем — и Белоножкин уступил. Теперь все тихо, но вряд ли такое настроение долго продержится: после сильного пожара — осенью 1900 г. — завод долго работал при неполном комплекте; теперь усиленно принимают новых рабочих и — сбавляют расценки.

* Между прочим для характеристики директора Андерсона приведем следующий факт. Как-то к нему пришла женщина с мальчиком и просила взять его на работу, ссылаясь на свою бедность, на что Андерсон цинично заметил: «Ты еще молода, я первый полтинник дам; на улице любому предложи, не откажется — еще можешь заработать».

** Губернатор, бывший в это время на ревизии в Брянск и 9-го числа собиравшийся на завод, отложил свою поездку.

В конце же февраля произошли волнения на Тверской Рождественской мануфактуре Берга. Началось дело с того, что в среду на масляной рабочие всех отделений фабрики заявили администрации о своем нежелании работать в пятницу, ссылаясь на пример Морозовской фабрики, где работа кончается в четверг. Директор отказал наотрез. В четверг утром рабочие повторили свое требование и, получив вторичный отказ, заволновались. Раздались жалобы и на другие фабричные неурядицы: на низкие расценки, запрещение пить чай в мастерской, запрещение отлучаться в рабочие дни из фабрики даже в больницу, или для венчания, или на похороны, — на дурное отношение к женщинам со стороны директора и мастеров и т. д. Решили бросить работу. Сперва бросила ее часть ткачей, потом пристали остальные ткачи и ткачихи (всех ткачей 200 человек, ткачих 1.300 человек), но прядильщики изменили уговору и остались в мастерской. Ткачи двинулись к прядильной, чтобы прервать работы, но у дверей их встретила кулаками полиция, заготовленная еще с вечера. Была она зверски, а сопротивлявшихся тащила в участок. Но, несмотря на ее охрану, после обеда к ткачам пристала половина прядильщиков и катушницы.

Явился г. фабричный инспектор; ему пред'явили разные жалобы.

Выслушивать их он не стал, сказав, что «не в жалобах дело, а в том, что они должны опять стать на работу». Скоро ткачи опять остались одни. Под вечер небольшая их кучка собралась у ворот фабрики. Полиция немедленно стала их разгонять, арестовала одного, но товарищи отбили и, в свою очередь, основательно поколотили ретивых царских слуг. Особенно досталось усердному не по разуму приставу Знаменскому. Вечером многие из ткачей раз'ехались по деревням, а ночью появилось объявление за подписью вице-губернатора и фабричного инспектора, приглашавшее явиться на работу в пятницу и грозившее увольнением в случае неявки. Эти объявления полиция ночью разносила по квартирам, а из казарм гнала утром насильно на работу. Кто не шел, тех забирали в участок. Несмотря на все эти старания, из ткацкого цеха вышли на работу всего 20 женщин, и администрация фабрики невольно принуждена была уступить: с 8 часов фабрика остановилась на праздник. Кончилось дело тем, что почти всех ткачей рассчитали, а обратно на работу принимали только женщин.

При расчете в фабричной конторе рядом с директором заседал полицмейстер Киреевский и на все протесты рабочих заявлял неизменно: «Не твое дело рассуждать! если я тебя выслаю, то и сам директор не может принять тебя обратно!».

Действительно, рассчитанным пришлось получить деньги и паспорта в волости. Видно, лишний раз хотели показать рабочему, что слуги царя и фабриканты всегда заодно.

На Тверской мануфактуре Морозовых с мая прошлого года сбавляли расценки, и — особенно среди ткачей — шло глухое брожение. В начале марта начали циркулировать и на фабрике и среди тверской интеллигенции слухи о готовящейся стачке. Назначали даже срок ее — 20 марта. Подлежащие ведомства, разумеется, всполошились и проявили чрезвычайную деятельность. Везде зашныряли городовые и жандармы: фабричный пристав (он же обер-сыщик) Подольский приставал ко всем встречным рабочим с расспросами, не знают ли они что-нибудь о стачке (sic!)...

Наконец, в ночь с 18-го на 19 марта был произведен ряд обысков среди камеченных рабочих, но ничего не нашли. Стачка места не имела (по решению самих рабочих), и сейчас все тихо, но глухое брожение продолжается.

Российские события этого и прошлого года не прошли бесследно для тверских рабочих, и можно было бы привести ценные факты, доказывающие, что сознание враждебности интересов самодержавия и пролетариата и необходимости борьбы за политическую свободу проникает и в здешнюю рабочую среду, но по «внешним обстоятельствам» рассказ об этом приходится отложить до другого раза.

Гомель. Недавно здесь была стачка 35 работниц на тряпичной фабрике Ловьянова, продолжавшаяся почти 2 недели. Они требовали сокращения рабочего дня, удаления одного приказчика и некоторых других облегчений. Часть этих требований удовлетворена.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРЕНИЕ

БЕЛЬГИЯ.

Конгресс Социалистической Партии.

30 и 31 марта (нового стиля) происходили в Бельгии заседания годовичного конгресса Бельгийской Социалистической Партии (17-й со времени основания). Впрочем, еще накануне (20 марта) собрался в Брюсселе же конгресс кооперативных обществ. Оба эти конгресса тесно связаны один с другим, а потому я остановлюсь немного на первом из них.

Кооперативное движение в Бельгии имеет характер, совершенно отличный от того, который придан ему в других странах, в особенности в Англии. Для англичан кооперация представляет ценное учреждение просто как средство улучшить положение рабочих, давая им возможность покупать все нужные для них продукты лучшего качества и по более дешевой цене. При таком взгляде на кооперацию она не имеет ничего общего с социализмом, отвлекает даже от социализма, направляя все внимание рабочих на возможность улучшения их положения путем образования кооперативных обществ и чуть не обещая все решение социального вопроса этим мирным путем. Неудивительно поэтому, что многие буржуазные экономисты верно оценили значение такой кооперации как средства отвлечения рабочих от социализма и изо всех сил стараются пропагандировать это движение.

В Бельгии дело обстоит совсем иначе. Для бельгийских социалистов кооперативы важны, главным образом, как средство объединения рабочих в социалистическую партию. Правда, помимо социалистических кооперативов в Бельгии существует очень много и таких, которые не принадлежат ни к какой партии, которые на манер англичан видят в потребительных и производительных обществах только средство, позволяющее рабочим и мелкой буржуазии улучшить условия жизни, дав им возможность покупать за более дешевую цену лучшие доброкачественные товары. Но такие «нейтральные» кооперативы далеко не играют той роли, как социалистические. Один из первых пунктов устава всякого бельгийского социалистического кооператива говорит, что членом его может быть только лицо, признающее программу Бельгийской Рабочей (Социалистической) Партии. Всякий такой кооператив входит в состав партии, уплачивая в партийную кассу членские взносы за всех своих членов. Таким образом всякий член социалистического кооператива делается членом партии. А так как кооперативы приносят своим членам много выгод, то число членов, вводимых в партию, очень значительно. Но кроме этого, кооперативы оказывают другие громадные услуги партии. Каждый кооператив владеет обыкновенно домом, специально предназначенным для целей партии. Вокруг такого кооператива, как пчелы вокруг улья, группируются все другие учреждения партии: рабочие союзы, кассы взаимопомощи, рабочие лиги, кружки пропаганды и самообразования,

печеские и музыкальные общества и т. п. В помещении кооператива они устраивают свои собрания, там же хранятся их знамя, их архивы, тут же получается и вся корреспонденция на имя общества. При многих больших кооперативах имеются библиотеки, доступные для всех членов партии.

Всякое социалистическое потребительное общество управляется лицами, избранными собранием членов и находящимися под контролем собрания. При всякой крупной стачке или во время избирательной агитации социалистические кооперативы выдают всегда партии или стачечникам денежные субсидии для борьбы. Вообще же потребительные общества являются таким могучим оружием в руках бельгийских социалистов, что за последнее время бельгийские католики, составляющие самую реакционную партию в Бельгии, поняли удобство этого оружия и решили воспользоваться им сами в борьбе с социалистами. Они также начали устраивать свои кооперативы, завлекая в них еще недоросших до социализма рабочих и, главным образом, невежественных крестьян.

В этих католических кооперативах все заведывание делами находится обыкновенно в руках католических попов, имеющих большое влияние на крестьян. А если в городах рабочие и имеют право избирать сами администрацию, то избрание это совершается всегда под бдительным надзором попов и фабрикантов-католиков, принуждающих рабочих избирать удобное и удобное для них лицо. Происходит нечто подобное тому, что творится у нас в Москве на собраниях рабочих механического производства или в Независимой Еврейской Рабочей Партии, где роль попов исполняют жандармы и шпионы.

Несмотря на то, что мысль о тесной связи, которая должна существовать между потребительными обществами и социалистической партией, признавалась всеми делегатами последнего конгресса, многие ораторы заявляли, что кооперативы должны еще больше работать в пользу партии, приносить ей возможно большие жертвы. «Кооперативное общество,—заметил один из ораторов:—должно быть прежде всего оружием социалистической пропаганды». Слова эти были покрыты единодушным одобрением всего конгресса.

Заседания конгресса партии происходили в так называемой «зале празднеств» брюссельского кооператива (Maison du Peuple), который наравне с гентским (Voornit) составляет гордость Бельгийской Социалистической Партии.

Конгрессу предстояло решить чрезвычайно важный вопрос о тактике в начатой уже в настоящее время бельгийскими социалистами борьбе за всеобщее избирательное право. Важностью этих вопросов и объясняется многолюдность конгресса: участвовало около 700 делегатов, представлявших 478 групп партии.

В самом начале конгресса делегат Трокле (депутат от Льежа) предложил конгрессу выразить свое сочувствие и пожелание успехов в борьбе русским социал-демократам, ведущим трудную борьбу против царизма. Предложение было принято при аплодисментах всего собрания. Другой делегат предложил, при всеобщем смехе, переслать это приветствие через посредство гражданина Мильерана. Наиболее интересным и важным было второе (послеобеденное) заседание конгресса, на котором обсуждались вопросы о тактике социалистов в борьбе за всеобщее избирательное право, о распростра-

нении избирательных прав на женщин и о пропорциональном представительстве при выборах.—До 1893 г. в Бельгии существовала система выборов, основанная на довольно высоком цензе, так что только небольшая часть населения могла принимать участие в выборах депутатов. После долгой и упорной борьбы, сопровождавшейся целым рядом манифестаций и закончившейся всеобщей стачкой, при чем рабочие всех промышленных округов двинулись было на Брюссель, чтобы там силой добыть себе избирательные права, реакционное католическое министерство должно было уступить.

Между партиями состоялся компромисс, и в Бельгии была введена так называемая система множественных вотумов (vote plural). При этой системе все граждане, достигшие 25 лет, имеют право голоса, но лица, имеющие недвижимую собственность, за которую платят известный налог, отцы семейств, лица, окончившие курс в высших учебных заведениях, имеют дополнительные голоса. Таким образом при этой системе громадное большинство рабочих, не имеющих никакой недвижимой собственности, имеет только один голос, крестьяне и мелкая буржуазия имеют по два голоса, крупная же и средняя буржуазия имеет даже по три голоса (а при выборах в городские и провинциальные советы даже по четыре голоса). Такой порядок, конечно, очень невыгоден для рабочих-социалистов и очень выгоден для католиков, опирающихся, главным образом, на крестьян и буржуазию. И действительно, при первых же выборах в палату депутатов 1894 г. католики получили громадное большинство (более 100 депутатов), социалистам удалось провести 29 депутатов, либералы же были почти совсем вытеснены из палаты: их осталось менее 20 депутатов. И только введение пропорционального представительства (в 1899 г.) поправило их дела. Вот несколько цифр, приведенных социалистическим депутатом Вандервельдом в его речи в палате депутатов 14 февраля при обсуждении законопроекта о введении всеобщего для всех избирательного права при выборах в городские и провинциальные советы.

В пригородах Брюсселя 1.620 рабочих при выборах в палату депутатов имели 1.771 голос и 1.642 нерабочих имели 2.596 голосов, т. е. 100 рабочих имеют 110 голосов и 100 буржуа — 183 голоса. В «Haut-Fayt» 100 рабочих имеют 113 голосов и 100 нерабочих — 239 голосов. В «La Hulpe» 100 рабочих имеют 124 голоса, 100 нерабочих — 216 голосов и в «Pâturage» 2.466 рабочих имеют 3.319 голосов и 439 нерабочих — 919 голосов. В «La Louvière» 385 рабочих имеют 480 голосов и 115 нерабочих — 280 голосов.

При такой системе выборов социалисты после своей первой победы при выборах 1894 г., при всех своих усилиях, могли очень мало увеличить число своих депутатов в палате, несмотря на то, что социализм сделал с того времени громадные успехи. Таким образом перед бельгийскими социалистами встала необходимость во что бы то ни стало добиться отмены множественных вотумов и введения в Бельгии всеобщего и равного для всех избирательного права. Решение это было принято ими на конгрессе в Льеже в прошлом году. Социалистам пришлось начать борьбу при очень неблагоприятных обстоятельствах. Прежде всего они были почти совсем одни. Их союзниками были только прогрессисты (партия радикальной буржуазной демократии). Все же умеренные

либералы относились даже враждебно к начатой ими борьбе. По всей стране был организован целый ряд собраний, на которых ораторы-социалисты разъясняли народу, как несправедлив и невыгоден для него существующий закон, при котором один богатый буржуа имеет столько же силы и значения, что 3 или 4 рабочих. Мало-по-малу им удалось создать в стране настолько сильное движение в пользу пересмотра конституции, что скоро у них стали появляться союзники в борьбе. Одними из первых присоединились к ним так называемые католики-демократы: небольшая партия, пытающаяся найти решение социальных вопросов в демократическом толковании христианства. Как умные и практичные люди, бельгийские социалисты знают, что в борьбе с противниками нельзя пренебрегать никакими союзниками, а потому они и постарались всеми силами привлечь на свою сторону либеральную буржуазию. Вначале либералы и слышать не хотели о введении всеобщего и равного для всех избирательного права, но движение приняло такие внушительные размеры, что они стали побаиваться потерять многих своих избирателей на предстоящих в мае этого года выборах в палату депутатов, если будут так же враждебно или даже равнодушно относиться к начатой социалистами борьбе. С другой стороны, уничтожение множества ветоумов поведет за собою падение реакционного католического министерства, и либералы далеко не прочь принять это наследство. Но несмотря на заманчивость такой перспективы, либералы, скрепя сердце, соглашались отказаться от своих избирательных привилегий и робко и неохотно один за другим переходят в ряды защитников реформы, обставляя свой переход целым рядом оговорок и ограничений. Такая робкая, неуверенная, полная уступчивости политика либералов еще более оттеняет мужественную борьбу социалистов, не побоявшихся, когда они были совсем одиноки, начать борьбу, в которой, как они не раз заявляли, они «пойдут до конца, не останавливаясь ни перед чем».

Этот великий революционный дух бельгийских рабочих был в прошлом причиной их побед. Он и в будущем спасет их от все сильнее и сильнее проникающего в партию бернштейнизма. Трудность борьбы усиливается еще тем, что в Бельгии в настоящее время свирепствует страшный промышленный кризис. Повсюду имеются массы безработных, что делает всеобщую стачку очень трудной и едва ли возможной. И несмотря на это, на конгрессе делегаты от угольного округа Боринажа заявили, что они не остановятся перед стачкой и пойдут в Брюссель добывать себе свободу.

При таких трудных обстоятельствах помощь либералов становится еще нужнее. Католики с своей стороны употребили все усилия, чтобы помешать соглашению между социалистами и либералами. С этой целью они выдвинули на сцену вопрос о распространении избирательных прав на женщин — реформу, которая вписана в программу бельгийских социалистов, но которой решительно не хотят либералы и прогрессисты. Бельгийская женщина до сих пор стоит еще на очень низком уровне развития, находясь почти всегда (часто даже в социалистических и либеральных семьях) под сильным влиянием католических попов. Социалисты, правда, ведут пропаганду среди женщин, но ведут ее гораздо слабее, чем среди мужчин и, надо сознаться, что на этой почве до сих пор они сделали еще очень мало. На этой

почве католики и вздумали раз'единить социалистов и либералов. Часть католиков заявила, что они согласятся дать Бельгии всеобщее и равное для всех избирательное право только с условием распространения этого права и на женщин, рассчитывая увлечь за собою социалистов. Либералы ответили, что они никогда не согласятся на такую реформу. А при этих условиях никакое изменение конституции было бы невозможно. И вдобавок если бы было принято предложение католиков, то католическое большинство в палате было бы упрочено на много лет благодаря голосам женщин, которые в большинстве случаев подавали бы голоса за католиков. Среди социалистов мнения разделились по вопросу о расширении избирательных прав на женщин. Одни из них (Вандервельде, Дени и друг.) настаивали, что нужно поддерживать это предложение, так как оно внесено в программу партии, так как рано или поздно социалисты привлекут женщин-работниц на свою сторону. Другие, указывая на реакционное католическое министерство, говорили, что женщины помогут ему удержаться у власти и еще долгое время отуплять страну при помощи попов. Впрочем, скоро социалисты поняли, что «женский вопрос» возбужден католиками единственно с целью испугать либералов, вызвать раскол среди социалистов и провалить таким образом в палате предложение о пересмотре конституции. Выяснению этого много помог отказ католиков дать право голоса женщинам при выборах в городские и провинциальные советы. В палате католики голосовали против этого законопроекта, предложенного социалистами. Поняв хитрость католиков, социалисты решились отказаться временно от распространения избирательных прав на женщин и сосредоточить все свои усилия на достижении, в союзе с либералами, всеобщего избирательного права для мужчин. Либералы с своей стороны поставили социалистам условия: 1) социалисты должны при пересмотре конституции голосовать против расширения избирательных прав на женщин, 2) внесение в конституцию пропорционального представительства при выборах в палату депутатов. Сверх того они изо всех сил настаивали на том, что социалисты не должны ни в каком случае прибегать к революционным средствам в борьбе за избирательную реформу. Что касается первых двух вопросов, то социалисты, после долгих обсуждений по группам, решили согласиться на оба требования. В этом смысле и внес на конгресс предложение генеральный совет партии. Что же касается средств в борьбе, то они заявили, что от всей души желают мирного решения вопроса, но если министерство не уступит, то они не отвечают ни за что, так как при всем желании не в силах удержать народ, требующий реформ. Конгрессу предстояло обсудить эти вопросы и высказать по ним окончательное решение. В том, что необходимо сделать либералам требуемые ими две уступки, сходились все члены конгресса. Но многие ораторы упрекали генеральный совет партии в том, что в своем предложении он недостаточно оттеняет принципы партии, ее революционность. «Мы должны показывать своими прениями либералам, — сказал в блестящей речи один из лучших ораторов партии Дестре: — что мы делаем им громадные уступки, взамен которых мы требуем от них, чтобы они не изменили нам в борьбе за всеобщее избирательное право. Но пусть они знают,

что мы не отказываемся ни от одной буквы своей программы. Мы только временно откладываем ее применение. Что же касается требования о применении только мирных средств, то мы должны сказать либералам, что, обращаясь к нам с таким предложением, они ошиблись адресом. Мы никогда не можем отказаться от своей революционной тактики, в особенности когда мы имеем дело с правительством, вся сила которого основана на избирательных злоупотреблениях. Сверх того, пусть знают либералы, — закончил он свою речь, — что первой реформой, которую мы потребуем после избирательной реформы, будет установление 8-часового рабочего дня». Приняв предложение генерального совета, конгресс в закрытом (не публичном) заседании приступил к выработке средств борьбы с правительством. Все принятые постановления по этому вопросу постановлено не опубликовывать из конспиративных соображений. Во всяком случае борьба начнется немедленно после открытия заседаний палаты (8 апреля), и уже теперь можно предвидеть, что борьба будет очень бурная. Несмотря на страшно неблагоприятные условия (промышленный кризис), бельгийские социалисты уверены, что победа будет на их стороне. Революционный дух бельгийских рабочих представляет их самое могучее оружие в предстоящей борьбе. Но на-ряду с этой чертой, при обсуждении целого ряда других вопросов, можно было заметить и другую характерную черту бельгийских социалистов: это необыкновенная слабость их в теории. Недостаток этот был завещан им основателем партии Ц. де-Папом, прошедшим через анархическую школу и до конца сохранившим многие полу-анархические воззрения. Бациллы новой «модной болезни» — бернштейнизма, попадая на эту болотную почву, заметно начинают развиваться в партии. Завоевание всеобщего избирательного права увеличит силу бельгийских социалистов в палате, и соединенное либерально-социалистическое министерство, о котором уже мечтают многие члены партии, станет возможным. Тогда и должна разгореться та борьба «Горы с Жирондой», этот «кризис в социализме», который уже раньше предсказывал Плеханов в своем письме из Брюсселя («Искра» № 15). Но в этой борьбе единственным оружием в руках Горы может быть революционный «ортодоксальный марксизм». Поэтому настоятельно необходимым является в Бельгии возникновение «ортодоксальной» группы, которая поставила бы себе целью борьбу с все более развивающимся в Бельгии бернштейнизмом и министриализмом.

[Н. Мещеряков]

От редакции.

Корреспонденция была уже набрана, когда принявшее открыто революционный характер бельгийское движение внезапно прекращено решением генерального совета партии. К всеобщей стачке уже примкнули 400.000 рабочих, но правительственное большинство в парламенте не уступило этому давлению и отвергло предложение социалистов и либералов о пересмотре конституции. В ответ на этот отказ последовало приглашение генерального совета партии прекратить стачку и отсрочить новый штурм на буржуазное государство. Можно только сожалеть о том, что столь блестящая начатая бельгийскими товарищами кампания закончилась такой (конечно, временной) неудачей. Откладываем до следующих №№ рассказ о ходе борьбы бельгийских рабочих.

ИЗ ПАРТИИ

В органе Петербургского Комитета Партии «Рабочей Мысли» в № 13 сообщен был текст «договора», заключенного между этим Комитетом и петербургским отделом «Искры». Ко времени опубликования в «Рабочей Мысли» этого договора наши петербургские товарищи сообщили нам, что соглашение их с Петербургским Комитетом считается ими не существующим, так как Комитет не желает выполнить те условия договора, которые не подлежат опубликованию и которые, по их словам, были оговорены во время переговоров о соглашении. В виду этого обстоятельства мы просили Петербургский Комитет считать опубликованный им договор расторгнутым и не настаивать на его соблюдении при тех — хорошо известных Петербургскому Комитету — условиях, когда беспристрастная проверка всех обстоятельств, сделавших возможным недоразумение в толковании заключенного договора, для нашей организации стала невозможной.

В настоящее время Петербургский Комитет в № 14 «Рабочей Мысли» заявляет, что расторгает пресловутый договор и «снимает с себя всякую нравственную ответственность за последствия этого расторжения», при чем указывает на те специально выдвинутые нашими петербургскими товарищами требования, неудовлетворение которых заставило их отказаться от организационного слияния с Комитетом. Последний заявляет, что требования наших петербургских товарищей (присоединение одного из их групп в Центральный Комитет Союза и в редакцию «Рабочей Мысли») противоречило бы основным принципам всякой организации, почему Комитет не мог их одобрить.

Договор, заключенный между Петербургским Комитетом и отделом нашей организации, подлежал расторжению по желанию одной из договаривавшихся сторон. Следовательно, с формальной стороны петербургские члены нашей организации были вправе поступить так, как поступили. Поэтому совершенно непонятна нам апелляция Петербургского Комитета к публике: публика ведь не может знать мотивов, побудивших петербургский отдел «Искры» настаивать на о с о б ы х гарантиях того, что его слияние с Комитетом не будет означать для него обязательства нести ответственность за такие шаги Комитета, которые противоречат принципам нашей организации. Всякий опытный человек знает, что требование, кажушееся Петербургскому Комитету столь неслыханным, выдвигается только в тех случаях, когда нет надлежащей уверенности в полной принципиальной солидарности договаривавшихся сторон. Направление организации «Искры» достаточно определено и не заявило себя какими-нибудь шатаниями. Пусть Петербургский Комитет проявит достаточно твердости и постоянства в деле следования принципам революционной социал-демократии, и он может быть уверен, что местные члены нашей организации войдут в его ряды без особых гарантий, как это и бывает в других городах. До тех пор непонятные для посторонних жалобы на то, что отдел «Искры» сначала подписал соглашение, а после поставил новые условия, могут содействовать только затемнению действительного положения дел и всего менее способствуют тем мирным, союзным отношениям между работающими в Петербурге членами нашей организации и Комитетом, которые мы всегда считали и теперь считаем вполне возможными и желательными.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ

Москва. Выехала партия из Московской Пересыльной тюрьмы в субботу 23 марта в 3 часа ночи в количестве 15 чел. и одной, добровольно следующей за мужем. До утра кружили по запасным путям. В 7 час. утра с товарным двинули на Тулу. Вечером на ст. Протопопово прицепили к поезду № 4, вышедшему из Москвы в субботу в 3 часа дня.

Партия состоит из:

- 1) Бабков, Владимир, 3 года Вост. Сибири.
 - 2) Бонч-Асмоловский, Анатолий, 5 лет Степн. Края.
 - 3) Бонч-Асмоловский, Иван, сын предыдущ., 4 года Степн. Края.
 - 4) Вигдорчик, Натан, 3 г. Вост. Сибири, с ним жена и дочь.
 - 5) Волошкевич, Сергей, Западн. Сибирь до приговора.
 - 6) Гольдблат, Арон, 3 г. Вост. Сибири.
 - 7) Жирмундский, Цадик, 3 г. Вост. Сибири.
 - 8) Карасик, Файвель, 3 г. Вост. Сибири.
 - 9) Лалаянц, Исаак, Вост. Сибирь до приговора.
 - 10) Музыкант, Берке, 3 г. Вост. Сибири.
 - 11) Покровский, Павел, 3 г. Степн. Края.
 - 12) Сладкопевцев, Михаил, Вост. Сибирь до приговора.
 - 13) Урицкий, Мойсей, 8 лет Вост. Сибири.
 - 14) Хатьков, Мовша, 3 г. Вост. Сибири.
 - 15) Эпштейн, Герша, 4 г. Вост. Сибири.
- Гольдблат, Музыкант и Хатьков — ковенцы, идут охранным порядком за стачку, малосознательные, отношения к революционному движению не имели, подавали на высочайшее имя прошение о помиловании.
- Охранным порядком идут №№ 1, 2, 3, 6, 7, 10, 11, 14 и 15.

По высочайшему утверждению №№ 4, 8, 13. Имеют еще дело, ведущееся жандармским порядком № 1, 8.

У №№ 5, 9, 12 дело находится в Петербурге в мин. юст. или в мин. внутр. дел.

С тем же поездом за свой счет едет в Якутскую область на 5 лет инженер Попов, Владимир.

Арестованы: в Курске — статистик Н. А. Никитин. В Щигровском уезде земский учитель Масленников. По распоряжению Курского губернатора удалены от службы учителя Соловьев и Ахрамовский (последний после обыска и незаконного ареста).

Кишинев. Из числа арестованных 8 февраля выпущены 2 марта: 1) Годлевский с женой, 2) Капцан, 3) Барг, 4) Батушанский, 5) Броско, просидев без обвинений 3 недели.

Остались еще: 1) Розенблюм (бывш. ссыльн.), 2) Маня Школьник (работница), рабочие: 3) Арон, 4) Хаим, 5) Шлемка, 6) Беленький (приказчик), 7) Бронтман, старик 60 лет, 8) Баневур — учитель.

Говорят, что некоторых отпустят на-днях.

Сюда приехал из С.-Петербурга чиновник из департамента полиции, чтобы разобраться в здешних делах.

Брянск. Арестованы 10 человек, из них называют: Семена Нудельмана (рабочий—выпущен), Степанова (конторщик — арестован 2-ой раз), Быковцева (типографчик), Носоводову и Шемяцкую (швей); обыски были у военного доктора Гуровича, у нескольких гимназисток, у вольноопределяющихся (обыски между прочим солдатские казармы) и у многих евреев-ремесленников.

В Бежице (Брянский завод — тож) арестованы: Тихон Нудельман (рабочий), Вас. Ив. Федосеев (рабочий), Мелихов, Карасев (бывш. студент ветер.) арестован, кажется, главным образом за то, что на танцевальном вечере, устроенном им для рабочих, назвал шпионом Ивана Николаевича Почадзе, начальника дворового цеха и обершефа всех заводских сыщиков. Затем арестован К. Антонов (рабочий), единственная вина, кажется, та, что у него нашли и отобрали карточку Горького. Через два дня арестован Марков (рабочий).

В Воронеже 1 апреля арестованы: Карпов, Любимов, Коростенков, Кардашев, Махновец, Бутковский и Губарева, последние 4-го выпущены без вызова на допрос.

В Уфе было 3 обыска, 2 ареста: Бойков и студ. Сазонов.

В Ярославле в ночь на 13 апреля произведено много обысков, несколько человек арестовано, фамилии арестованных известны только 3: Тучитский, Пресениченко, Кузнецов; был обыск у писателя Е. Н. Чирикова.

В Киевскую тюрьму привезены:

Из Петербурга: Степан Радченко, инженер, Люб. Радченко, Сокольский, инженер, Казанцева.

Из Москвы: ветеринарн. врач Бауман, Меерсон, Ногин; девицы: Рукина, Уварова, Санина, Сипатовская.

Из Вильны: портной Тарсис.

На границе арестованы: Блюменфельд и Фишман.

В Нижнем-Новгороде выпущены все, кроме Сисина, но 4 апреля вновь взята Софья Доброхотова; 11—12 апр. взяты: наборщик Гордеев, Сазонов (швейцар в ред. «Волгаря»), торговец Большаков, студ. Малицкий, Федосеев и др.

В Херсоне в ночь на 20 марта было 12 обысков, арестованы: студ. Шах и Приветов и раб. Линцер, последний через 2 дня был выпущен.

В Ростове. Последнее время арестованы 7 чел.: Корявин (раб.), Коносов (раб.), Шпакины (муж и жена с ребенком, инт.), Серебряков (бывш. студ.), Ананов (бывш. студ.), Рафаилов (бывш. студ.).

Из села Богучаны, Енисейского уезда, бежал товарищ Михаил Дарголец и благополучно прибыл за границу. Дарголец, арестованный в марте 1898 г. в Одессе по делу Южно-Русского Рабочего Союза, был сослан в Сибирь на 4 года.

В Белостоке большие аресты в конце марта.

Рига. (От организации Латышск. социал-дем.).

В ночь 12—13 марта (стар. ст.) была у нас облава. Обыскали человек сто. Из латышей арестовали: студентов Н. Куршевиц, И. Гринберг, Е. Лекис; конторщик Анскеневиц; писатель И. Шмитс; бывш. студенты: И. Азарс, И. Бернманс, А. Фрейбергс, Е. Бульманс, К. Зутис, Х. Розентальс; учительница Лекис, Рипас, лавочник Меднис.

Взято еще несколько лиц, имена которых пока неизвестны.

Были обыски у сотрудников «Deenas Lapas»: у доктора К. Баллодс, Видиньш и др.

Было взято много евреев, о фамилиях которых сообщат позднее.

Нас просят огласить следующий позорный факт:

«Просим огласить следующий факт. Бежавший в 1899 г. из Вятской губ. Бауман (ветеринарный врач, служивший в Саратовском земстве в 95—96 г.), удачно скрывшись от преследований шпионов, попал случайно в совершенно незнакомую местность, село Хлебное, Задонского уезда, Воронежской губ. Измученный голодом и продолжительной дорогой пешком, он решил обратиться за содействием к самому интеллигентному представителю деревни, к земскому врачу Валериану Вележеву. Продолжать путь пешком не представлялось возможным, так как городской костюм обращал всеобщее внимание, кроме того Бауману не удалось в течение суток встретить человека, который мог указать на ближайшую станцию железной дороги. Явившись к Вележеву, он рассказал, в каком затруднительном положении он находится, навел справки о железной дороге и попросил накормить. Великодушный врач ответил, что обед у него будет только через три часа, и вообще выразил удивление, что к нему обращаются с подобными просьбами. Через некоторое время он удалился под предлогом приема больных. Вслед за этим явилась прислуга и потребовала от имени барина, чтобы Бауман немедленно удалился. Вележев донес полиции. Как только Бауман вышел из села, его арестовали и отвезли в г. Задонск. Вначале было решено препроводить Баумана этапом в Вятскую губ., в место прежней его ссылки. Так он проследовал до Уфы. В Уфе его задержали и отправили в Киев. Теперь он сидит в Киевской тюрьме. Арестован он был 10 февраля».

Долг сослуживцев Вележева наказать предателя открытым выражением презрения.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Тулской Группой Социал-Демократической Рабочей Партии получено от Г. И. 100 руб.

Заграничной Лигой Русской Революционной Социал-Демократии получено:

Из Льежа 53 фр. Через Кольцова: от Женевской группы 48 фр. 50 с.; из Вены через В. 10 кр.; из О. (из головы) 5 руб.; из Н. от одного из I. 500 — 5 руб.; за валенки 2 рубля.

Из Брюсселя 44 фр.; от «Русского Социал-Демократического Общества» в Нью-Йорке 15 долл. за литературу; из Петербурга — от М. О. С. — 150 руб.;

специально пожертвовано для «Искры» через Союз Борьбы 50 руб.; за литературу через Гом. 50 руб.; от Киевского Комитета 100 руб.; от Башкирки 100 руб.; от О. В. 10 мар.

Цюрихской группой собрано в пользу жертв всеобщей стачки в Бельгии 28 фр. 65 с.

Через Плеханова получено 22 франка, собранных на рабочем собрании в Шо-де-Фоне, во время реферата доктора Н. Васильева.

Письмо от Ъ получено. Пишите чаще.

Типография «Искры».

П Р И М Е Ч А Н И Я.

Прим. 1. Балмашев, С. В. — член боевой организации партии с.-р., убивший 2/IV—1902 г. министра внутренних дел Сипягина (см. прим. 2 к № 15 „Искры“). Балмашев был казнен 3 мая 1902 г.

Прим. 2. Карпович, П. В. — студент, член боевой организации партии с.-р., убил 24/II — 1901 г. министра народного просвещения Боголепова (см. «Искру» № 2, стр. 42, ст. «Отдача в солдаты 183 студентов» и «Искру» № 3, стр. 51, «Из нашей общественной жизни»). К. отбыл несколько лет тюрьмы, после 1905 г. был амнистирован и отправлен в ссылку, откуда удачно бежал за границу. Погиб в 1917 г., возвращаясь после Февральской революции в Россию на пароходе, потопленном германской подводной лодкой.